

[РУССКИЙ РЕВАНШ]

**МАКСИМ
КАЛАШНИКОВ**

**АНДРЕЙ
ЕМЕЛЬЯНОВ-
ХАЛЬГЕН**

**РОБОТ
И КРЕСТ**

**[ТЕХНОСМЫСЛ
РУССКОЙ ИДЕИ]**

**Максим Калашников
Андрей Емельянов-Хальген
Робот и крест. Техносмысл русской идеи
Серия «Русский реванш»**

текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18399780

Робот и крест. Техносмысл русской идеи / Максим Калашников: Алгоритм; Москва; 2016

ISBN 978-5-906817-03-7

Аннотация

В 2014 году настал перелом. Те великолепные шансы, что имелись у РФ еще в конце 2013 года, оказались бездарно «слитыми». Проект «Новороссия» провалили. Экономика страны стала падать, получив удар в виде падения мировых цен на нефть. Причем все понимают, что это падение – всерьез и надолго. Пришла девальвация, и мы снова погрузились в нищету, как в 90-е годы. Граждане Российской Федерации с ужасом обнаружили, что прежние экономика и система управления ни на что не годны. Что страна тонет в куче проблем, что деньги тают, как снег под лучами весеннего солнца.

Что дальше? Очевидно, что стране, коли она хочет сохраниться и не слиться с Украиной в одну зону развала, одичания и хаоса, нужно измениться. Но как?

Вы держите в руках книгу, написанную двумя авторами: философом и футурологом. Мы живем в то время, когда главный вопрос – «Зачем?». Поиск смысла. Ради чего мы должны что-то делать? Таков первый вопрос. Зачем куда-то стремиться, изобретать, строить? Ведь людям обездоленным, бесправным, нищим не нужен никакой Марс, никакая великая держава. Им плевать на науку и технику, их волнует собственная жизнь. Так и происходят срывы в темные века, в регресс, в новое варварство.

В этой книге первая часть посвящена именно смыслу, именно Русской идее. А вторая – тому, как эту идею воплощать. Тем первым шагам, что нужно предпринять. Тому фундаменту, что придется заложить для наделения Русской идеи техносмыслом.

Содержание

Предисловие: от «национального футуризма» к «техносмыслу Русской идеи»	5
В поисках выхода	6
Желтая королева	6
Убийство русского человека	10
Главная тайна Руси?	12
Кратчайший курс историософии	15
Тени западного окна	18
Концепция о душегубах	32
Перпетуум мобиле	40
Концепция русской мысли	44
Требования к национальной идее	48
Шаг вперед	50
Facies hiocratica	55
Космическое спасение народов России	61
Русский проект	65
Смысл жизни по-русски	68
Начнем творить	71
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Максим Калашников

Робот и крест. Техносмысл русской идеи

© Калашников М., Емельянов-Хальген А., 2015

© ООО «ТД Алгоритм», 2016

Предисловие: от «национального футуризма» к «техносмыслу Русской идеи»

Плоха та вера, которую исповедуют по долгу службы. Плохо, когда свыше приказано верить в величие и большое будущее России, а в душе царит совсем иное.

В 2014 году настал перелом. Те великолепные шансы, что имелись у РФ еще в конце 2013 года, оказались бездарно «слитыми». Проект «Новороссия» провалили. Экономика страны стала падать, получив удар в виде падения мировых цен на нефть. Причем все понимают, что это падение – всерьез и надолго. Пришла девальвация, и мы снова погрузились в нищету, как в 90-е годы. Граждане Российской Федерации с ужасом обнаружили, что прежние экономика и система управления ни на что не годны. Что страна тонет в куче проблем, что деньги тают, как снег под лучами весеннего солнца.

Что дальше? Очевидно, что стране, коли она хочет сохраниться и не слиться с Украиной в одну зону развала, одичания и хаоса, нужно измениться. Но как?

Вы держите в руках книгу, написанную двумя авторами: философом и футурологом. Мы живем в то время, когда главный вопрос – «Зачем?». Поиск смысла. Ради чего мы должны что-то делать? Таков первый вопрос. Зачем куда-то стремиться, изобретать, строить? Ведь людям обездоленным, бесправным, нищим не нужен никакой Марс, никакая великая держава. Им плевать на науку и технику, их волнует собственная жизнь. Так и происходят срывы в темные века, в регресс, в новое варварство.

В этой книге первая часть посвящена именно смыслу, именно Русской идее. А вторая – тому, как эту идею воплощать. Тем первым шагам, что нужно предпринять. Тому фундаменту, что придется заложить для наделения Русской идеи техносмыслом.

Мы не могли не ответить на вызов нового смутного времени, на реалии второй Холодной войны. С Богом, читатель!

В поисках выхода

Желтая королева

В центре современного мира стоит большой желтый трон, и на нем горделиво восседает такая же блевотно-желтая королева, Ее Величество Экономика. Либерализм и Марксизм сошлись в горячем поцелуе у подножия этого трона, а невидимые отвертки пропаганды накрепко ввинтили каждому человеку мысль, что так оно и есть правильно, а по-иному быть, конечно же, не может.

Конец девятнадцатого и весь двадцатый век изобиловали спорами. Люди боролись при помощи языков, броневиков, танков, но, в конечном счете, все их споры сводились к вопросу, какой пудрой лучше всего покрыть щежки любимой Королевы. Может, марксистской? Или, лучше, социал-демократической? В конце концов, остановились на самой ядовитой, либеральной. Но никто из спорящих и бьющихся сторон ни разу не задался вопросом, справедлива ли власть самой Королевы, по праву ли ее голову украшает золотая корона, или стоило бы сорвать ее как можно скорее. В пылу схваток никто даже не разглядел, имеются ли у Правительницы самая голова, а, тем более, сердце.

Старые экономические учебники начинались с повествования о том, что «экономика не способна определять своих целей, ее цели и задачи определяет общество». Понятно, эту сентенцию никто не читал, ведь реалии жизни всегда говорили об обратном. Туша экономики безжалостно давила все остальные стороны общественной жизни, порождая кровопролития за ресурсы и «романы на производственную тематику», «деловую моду» и уничтожение культурной и природной среды обитания народов. Воистину, список преступлений «Королевы» «потянул» бы не на один десяток «высших мер наказания».

Экономика всегда и всем сулила счастье, в недалеком будущем. Что же это оказалось за счастье? Счастье винтильщика гаек за бесконечной рекой конвейера? Радость крестьянина, насильно оторванного от своих корней и обращенного в частицу городских низов, в быдло? Или веселье современного офис – менеджера, одуревшего от безбрежного вороха счетов, голова которого гудит, подобно компьютеру?

«Светлое будущее», «карьерный рост», «процветание» – вот сладенькие конфетки, болтающиеся на шее злой Королевы. Вкусить их можно лишь тогда, когда жизнь обращается в черное проклятие, но и смерть уже не кажется избавлением, ибо за годы разочарований человек начинает сомневаться, что там, по ту сторону, есть что-то иное. Однообразная, тупая работа всегда сменяется пресным, как жвачка, досугом, который есть ни что иное, как еще один отпрыск той же самой Королевы. Все, что негодно Ее Величеству уже давно отброшено, забыто, заперто в сердцах и головах тех, кого по воле Правительницы принято считать неудачниками.

Что же дарит человеку эта Повелительница взамен на частокोल бед и страданий? Обеспечение материей существования в сей момент и в сем месте, да еще вечную надежду, что некий момент в будущем будет наполнен материей еще больше. Вот и все. Вдумаемся внимательнее в эту фразу, и поразмыслим, что же есть этот «сей момент». Единица, деленная на бесконечность! Он тает быстрее, чем мы успеваем о нем задуматься, кто не верит, может прямо сейчас поставить опыт с самим собой!

Ну, а раз «сей момент» есть полное ничтожество, то попробуем выбросить его из нашей жизни. И что осталось? Планы на будущее, которые рушатся каждое мгновение, да еще воспоминания, выбиваемые из сознания хорошим ударом по голове. И это все! Где смысл?! Конечно, его нет, и тут стоит схватить самого себя руками, чтобы не провалиться в бездну...

Не стоит, пустое, разве человечьи руки сильнее Небытия?! Все одно, тебя ждет тьма крошечная, и изобилие «дня сегодняшнего» уже не спасет...

Бытие жизненной пылинки вечно тонет в черной бездне, оно – ничто, у него нет смысла. Но смысл возвращается вновь, едва стоит связать единичную жизнь с жизнями прошлыми и будущими, то есть с предками и потомками, а также с жизнями других людей, протекающими совсем близко. Так и возникает то, что именуется народом, связка же, объединяющая всех в единое целое есть ни что иное, как Традиция с ее внешней, осязаемой стороной – культурой.

А что есть культура? Надо полагать, что это – определенный набор символов и способов их истолкования. Задача этих символов – приоткрыть завесу, скрывающую за собой величайшие тайны бытия, и среди них – тайну жизни и смерти. Культура суть око, смотрящее из земли в Небеса.

Но если культура – это глаз, то экономику, как самую плотную и плотскую часть культуры, можно уподобить его главному яблоку и радужной оболочке. Нет материальной деятельности человека – и не на чем держаться трепетному зрачку духовной культуры. Однако когда экономика начинает претендовать на полноту власти над всей человеческой жизнью, око культуры становится похожим на глаз с заросшим зрачком. В результате вместо созерцания далеких звезд – чернота вечной ночи. Нет уже радости в излишне здоровом глазом яблоке или радужной оболочке, если глаз все равно ничего не зрит. И, подумайте сами, какая может быть разница, окрашена радужка слепого ока в цвет марксизма, или либерализма, если никакая ее окраска не принесет в глазное нутро даже самого тонкого лучика солнца?!

Поэтому, чтобы вылечить больной глаз, спасти бытие от оскотления, прежде всего необходимо сбросить Правительницу с ее трона и жестко указать ей на то место, которое ей и положено занимать.

Если мы задумали сбросить владычицу – экономику с ее престола, то стоит задуматься, какое место в жизни народа мы собираемся ей уготовить. Ведь каждому ясно, что присутствующее на Земле общество не способно обойтись без материального производства.

Если смотреть с позиций культуры, то весь смысл экономики сводится к воспроизводству традиционных символов в дереве, металле, камне и прочих твердых материалах. Все находится на своих местах – культура духовная созерцает символы и дает им толкование, материальная культура их воспроизводит. Это прошлое значение экономики мы сможем оценить, если прогуляемся по центрам старых городов и взглянем на немых свидетелей той давней эпохи – старинные здания. Древние мастера как раз и занимались воплощением таинственных символов в плотных земных материалах, только труд их был чрезвычайно тяжел, и у них не хватало сил, чтобы превратить всю Русь в книгу небесных символов.

Иное дело времена нынешние. Развитие техники, механизация и автоматизация прежде тягостного ручного труда могут дать возможность всем людям Руси слиться в совместном воплощении символов, содержащихся в русской культуре. Но для этого, прежде всего, требуется дать экономике такую задачу, которая никогда не сможет возникнуть внутри нее самой, ибо стоит она слишком высоко от вопросов расширения рынков и извлечения прибыли.

Теперь сформулируем те задачи, решения которых мы требуем от материальной сферы в новом обществе:

1. Создание условий, при которых каждый работающий человек сможет воплощать в продуктах своего труда культурные символы, то есть быть творцом.
2. Недопущение значительного подъема цен на плоды нового труда, которые, по своей сути, станут произведениями искусства.

Современное состояние технических наук позволит решить оба этих вопроса путем автоматизации всех трудоемких и рутинных производственных процессов, а также значи-

тельного сокращения энергии, потребляемой в ходе производства. Жизненно необходимо создание таких предприятий, на которых человек будет участвовать только во внесении смысла в продукцию. От работника таких производств, разумеется, будет требоваться не столько ловкость рук и воловья выносливость, сколько знание родной культуры и способность к творению. Как показывает жизненный опыт, творческие способности имеются у подавляющего большинства людей, но у очень многих они сознательно задавлены, прежде всего, неправильным средним образованием (вернее – образованием, которое «заточено» под тот мир, где властвует экономика). В прошлые времена такая общественная стратегия была оправдана, ведь она обеспечивала производство большого количества «рабочего человеческого материала», способного переносить длительный и тошнотворный труд. Теперь мы сможем отказаться от такого подхода, и, тем самым, сократить количество вечно несчастных людей. Пусть все, что производится на Руси, станет уникальным, и каждый предмет, сделанный у нас, будет подлинным произведением искусства, а каждый житель наших земель – творцом.

В новых условиях исчезнет потребность в предприятиях-монстрах и армиях рабочих, которые на каждом рассвете проходят под их прокопченные ворота, погружаясь в мир грохота, жара и химической вони. На полностью автоматизированных заводах смогут трудиться всего-навсего одна – две сотни человек, знакомых лично, объединенных в своем творческом действии. Это создает предпосылку к возрождению общинности, этой вековой основы нашего бытия.

Восстановление общинности повлечет за собой изменение всего общества. Может измениться даже система расселения. Ведь огромные коробчатые при заводские города станут не нужны, зато можно будет построить множество красивых малых городов. Создание таких городов-звезд позволит сразу же решить проблему контроля над необъятными русскими просторами, проблему перенаселенности крупных городов и проблему возрождения русского села. Смогут получить развитие и старые малые города, по сей день прозябающие, по сути, в девятнадцатом веке (например, город Устюжна до сих пор даже не газифицирован).

Как же нам расправиться со старой экономикой бессмысленности и произвести на свет чудо экономики смысловой, культурной, к которой при современном взгляде на само понятие «экономика» вполне подходит обозначение «антиэкономика»? Ведь решившись на такой отчаянный шаг, мы выйдем краеугольный камень из прокопченного здания современного мира, и едва ли он простит нас в последние мгновения своего бытия!

Прежде всего, требуется расконсервировать нереализованные разработки в области автоматизации, энергосбережения и энергопроизводства, и стимулировать новые разработки в этих областях техники. Затем последует форсированное внедрение этих прорывных технологий, когда каждое старое предприятие должно будет, по сути, превратиться в экспериментальную площадку, на которой творения лучших умов станут совершенствоваться и пробивать себе путь в жизнь.

Совершение такого шага потребует от народа решительности и воли, ведь, делая его, придется, не считаясь с возможным риском, убытками и огромными затратами. Но игра, конечно же, «стоит свеч», ведь сохранение национальной культуры и создание для людей возможности творческого самораскрытия дороже любого количества денежной массы.

Но, что самое важное, все эти решительные шаги могут быть проведены нами только на фоне восстановления поля традиционной культуры и соответствующего изменения образования. Новой Руси необходимо поколение творцов, а не «функциональных людишек» прошлого, и мы должны будем его получить, во что бы то ни стало.

Потребуется изменить взгляды и на управление экономикой, ведь появится новый самоуправляемый элемент экономической системы, которым станет община. По всей видимости, государственное управление будет требоваться на уровне организации прорывных

разработок, управления финансовыми потоками и на уровне общенациональных проектов (подобная экономическая система была предложена еще в девятнадцатом веке немецким экономистом Ф. Листом). Такой подход к контролю над материальной сферой общества позволит нам осуществить весь проект построения экономики смысла, не нарушая при этом саморегуляции систем, обеспечивающих удовлетворение жизненных повседневных потребностей человека.

Убийство русского человека

Древняя мудрость гласит, что человек состоит из трех начал – Духа, души и плоти. Продолженный за пределы самого себя расширенный до народа человек также сохраняет эти начала. Дух народа – это его вера, душа – его кровь и все, что передается с ней, то есть народные предания, мифы, легенды, представления о добре и зле, о прекрасном и уродливом. Тело народа – его почва, земля, от которой он черпает свою силу, по выражению Л.Н. Гумилева – кормящий ландшафт. Удар по любой из трех составляющих способен нанести народу смертельную травму, обратить его в бессмысленную людскую россыпь, которая в лучшем случае может стать материалом для формирования нового народа, но уже совсем не того.

Три начала народа – вещи общие, их вроде и не заметно, пока они не наполняют собой каждый день народной жизни, не вольются в каждое его мгновение. И вера, и кровь и почва организуют мгновения, дни, годы и века народного бытия, обернувшись в традиционные занятия народа. Вера придает им высший смысл, кровь обеспечивает наследование из поколения в поколение, а почва обеспечивает необходимым материалом. Ведь ремесла – они вроде лестницы, начавшейся от земли и ведущей в небеса. Чем больше лет ремесленному памятнику, тем явственнее в нем видны все три начала.

Резные узоры, тот вид ремесла и искусства, который у многих всплывает перед глазами при одном лишь упоминании слова «Русь». Почва дала для него материал – дерево, а так же сложный набор символов, которые око мастера узрело среди природы. Растения, птицы, знаки воды и небес. Кровь принесла толкование значения этих символов, а так же знания о том, как вырезать их на податливых древесных листьях. Дух же нес веру в то, что резные узоры способны защитить душу от темных сил и привести в защищенное пространство светлые ангельские сущности.

На Руси много почвы, потому рождалось и много ремесел, которые при всем их различии имели общий смысл и общую задачу. Одни и те же символы украшали и резные наличники, и росписи шкатулок, и глиняные кувшины, и кованые плуги. Секреты ремесел продолжали свой таинственный путь из поколения в поколение.

После много чего изменилось. С того момента, как в эпоху Петра 1 Запад послал Руси свой холодный поцелуй, стал таять смысл ремесел, их символический смысл стал вырождаться в простую стилизацию. Позже русское производство обрело новый смысл – построение на Земле общества небесного порядка, устремленного в мерцающий звездами космос.

Что было хорошо, а что нет – разбирать уже не имеет смысла. Гораздо лучше найти общее, что связывает вехи жизни русского народа. Это общее – в стремлении подражать Богу-творцу, создавая свой символический мир. В этом русский народ всю свою жизнь имел Богоподобность, вплоть до сегодняшнего дня. Преобразование темной и глупой материи высшим Смыслом – вот содержание каждого дня жизни русского человека.

У иных народов была иная Вера, иная кровь и иная почва. Часто народы не имели возможности промышленно многими ремеслами, и единственное ремесло делалось основой их принадлежности к данному народу. Например, в современной Финляндии к представителям народа лопарей относят тех, кто не только рожден от лопаря и лопарки, но и занимается традиционным лопарским ремеслом – оленеводством.

Но хуже обстояло дело у народов, которые вовсе не имели своей почвы, и долгое время скитались среди других народов мира, либо если народ своей почвой имел узкую береговую линию, переходящую в безбрежные океанские воды. В таком случае вместо ремесла у народа возникало занятие иного рода – распределение и перераспределение, торговля, ростовщичество. Предмет, достававшийся им от других цивилизаций, в руках таких народов сразу

терял свой таинственный смысл, и делался просто единицей товара, имеющего свою ограниченную стоимость. Символизм у них виделся не в предметах, а в удачливых и неудачливых сделках, совершаемых с товарными единицами, а то и с производным от них, то есть – с деньгами и прочими мерами стоимости. Народы-ремесленники в их глазах виделись людьми второсортными, ведь они были всего-навсего источниками товара, в то время, как те чувствовали себя его Хозяевами. Впрочем, такой взгляд был возможен лишь при взгляде на предмет, как на товар. При рассмотрении его, как смысла положение дел менялось, и вторые из хозяев товара обращались в профанов и невежд.

Список таких народов-распределителей может без труда составить каждый, кто как-то знаком с историей. Это, конечно, евреи, а также на разных исторических этапах – карфагеняне, финикийцы, венецианцы, генуэзцы, голландцы, швейцарцы, англосаксы. Между народами-перераспределителями и народами-творцами на протяжении всей истории шла борьба, закончившаяся однозначной победой первых. Вместе с победой цивилизаций распределения, победила и их идея взгляда на предмет, как на товар с вытекающим отсюда проклятием всех людей-творцов.

Есть у русского народа одна беда – это повышенный артистизм, легкость, с которой русские люди обретают облик других народов. Наверное, он – оборотная сторона врожденной чуткости русской души и ее стремление понять другого. Много раз это свойство играло с русскими людьми дурную шутку, разрывая русский мир на тех, кто вжился в чужой образ и на тех, кто – нет.

Сейчас происходит новый, весьма затянувшийся виток этой страшной игры. Люди с русскими фамилиями, потомки крестьян и кузнецов, воинов и священников, ныне, оскалив зубы в чужой улыбке, склоняются над колонками цифр и пачками платежей. В их головах крутятся чужие схемы поведения и отношения к людям, согласно которым каждый, кто творит головой или руками становится парием, человеком низшего сорта.

В масштабах общества это приводит к росту неуважения к созидателям людям, даже – к презрению в отношении них. Ныне это презрение переросло в то, что можно уже считать геноцидом в отношении истинно русских (то есть – созидателей) людей. Уровень доходов, получаемый от реального производства, на территории государства РФ ныне столь низок, что не предполагает расширенного воспроизводства, то есть возможности иметь более двух детей в семье. Значит, истребление людей-творцов происходит уже на биологическом уровне, на уровне крови.

Жить при минимуме достатка в эпоху, когда ценность человека всеми определяется, как уровень его доходов – дело нелегкое. Это – серьезное испытание, которое мало кто выдерживает. И потому все больше и больше людей стремятся попасть в среду распределяющих и перераспределяющих, то есть – уже нерусских. Те, кто вынужден оставаться в прежней своей среде, заниматься делом своих предков, чувствует себя таким же неудачником, каким лет двадцать тому назад ощущал себя молодой деревенский житель (ныне их почти не осталось).

Метод уничтожения народа оказался эффективным, гораздо более действенным, чем какие-нибудь лагеря смерти или массовые расстрелы. Ни к чему тешить себя иллюзией о том, что «счастливчики» этого времени, благодаря своему изящному исполнению роли «людей Запада» смогут создать на русской земле что-то жизнеспособное. Могильщики Руси вымрут сами, ибо с исчезновением русского народа пропадут и возможности дальнейших трудов в области распределения и кредитного дела. К распределению богатств иных народов их едва ли кто допустит, ибо они лишь артисты и подражатели, но не более.

Потому ныне возможен лишь один выход – оставшимся русским людям первым нанести удар по своим могильщикам и довести его до полного их уничтожения. Иного не дано. Они все равно – обречены.

Главная тайна Руси?

Русская земля изобилует тайнами, и одна из этих тайн – так называемая Русская Идея. Это – самая большая из всех тайн, ибо сколько не копай землю, сколько не разбирай надписи на древних камнях – все равно не отыщешь и ее следов. Вернее, найдешь многое, что наметит на ее присутствие, но никогда не скажет о ней подробно, до корочки. Там – руины древней колокольни, сям – ржавый остов космического корабля...

Вокруг этих руин ходят люди, прихлебывая из горла пиво или самогонку. При этом кто-то из них смачно разбрасывает проклятие в адрес русских. «Вот народ, ничего делать не умеем, только бухаем, да бездельничаем! Чтоб передохли мы все скорее, и я – тоже!»

Если считать, что в этих словах кроется национальная идея, то приходится признать, что она – идея коллективной капитуляции и самоубийства. Народ с такой идеей просто не должен был возникнуть, он погиб бы прежде, чем оформился во что-то определенное. Что-то кажется обманом зрения – ни то славное прошлое, ни то мерзостное настоящее, о будущем при таком положении вещей говорить просто бессмысленно...

Кажется, что над русским человеком незримо веет некая сущность, которая и есть его идея, и все на Руси зависит только от ее воли. Захочет она – и русские сделаются воинственным и одновременно работающим народом, подчиняя ей всех своих соседей, одновременно осыпая ее рукотворными дарами, и, как будто незаметно для самих себя, изменяя свою жизнь.

Нынешнее состояние человека, некогда бывшего частью русского народа – тоже вроде подтверждения бытия русской идеи, только – негативное, доказывающее ее присутствие в иные времена своим отсутствием во времени сегодняшнем. Если ее нет – не на кого работать, и потомок русских людей будет пьянствовать и куролесить, что бы, не дай Бог, не оскорбить пока что отвернувшуюся от него Идею работой лишь на себя. Тем более что трудится на себя никто и не позволит, ведь любая работа – всегда служение некой идее. Если не своей, то чужой. Потому если потомок русских людей сейчас что и делает, то совершает это с острой ненавистью к материалу работы и к ее результату. Более того, бесполезная деятельность в нынешнее время привлекает людей к себе больше, чем полезная.

Ему некого защищать. Дорожить самим собой – тоже оскорбление для нее, и он готов сдаться всем своим врагам. Он готов впустить на свою землю кого угодно, показывая этим, что земля без Идеи ему не дорога, вернее, она – вообще ничто...

Потому бесполезно сейчас призывать людей к действию, хоть для «блага самих себя», хоть «за Родину»...

Европейские идеи многократно описывались и переписывались мыслителями, их пухлые тома могут занять целую библиотеку, причем немалую. В них все расписано насчет того, что надлежало думать и делать человеку. Что в прежние эпохи, что в нынешнюю...

Русские же философы взялись за осмысление русской идеи лишь в начале XX века. Но никто из них ее до конца и не понял, и не расписал. Все ухватывали лишь разные ее стороны, никто не добирался до самой сердцевины. Впрочем, может кто и добирался, но есть у русских людей еще одна особенность – не слушать тех, кто говорит им о национальной идее, отмахиваться от них, как от докучливых мух. Возможно, оно и правильно, и такая особенность русского сознания создает заслон на пути людей, которые если что и поняли, то обязательно – не все, и не так, и не то. Идея в русском сознании всегда остается большей, чем способности индивидуума к ее постижению. Она не нуждается в своих толкованиях и перетолковываниях, Она сама проявляет себя в каждой нитке жизненной ткани.

Да, так оно и было всю историю. Вся русская история сплетена из крутых изломов, но среди них три события делили ее на время, которое было «до» и время – «после». На двух из

изломов русская идея плавно перетекла в следующую эпоху, удивительным образом сперва пропитав, а потом и переродив чуждые писанные учения, предлагавшиеся ей на замену.

Впервые это случилось в знаменитые времена Петра Первого. Его жизнь – это первая попытка насадить четко расписанную идеологию Запада на казалось бы, чистое русское идейное поле. Вернее, очаг сопротивления на Руси присутствовал, им было старообрядчество, которым, на первый взгляд, русское идейное пространство и исчерпывалось. Подави его грубой полицейской силой, и все будет чисто для насаждения любых идей.

И что же? Большие массы войск вместо участия в борьбе с внешним противником, давили стрелецкие бунты, бились с казаками Кондратия Булавина, штурмовали Соловецкий монастырь и брали приступом скиты ревнителю древнего благочестия. За несколько десятков лет сопротивление было подавлено, и все помехи как будто были устранены, но...

Прошло немного лет, и послепетровская Русь сделалась неотличимой от Руси прежней. То же стремление в ширину, на неизведанные земли, те же сказания и былины среди народа. Да, Петровская эпоха добавила к русской жизни некоторых новых персонажей – столичных господ, лежащих как будто вне Руси, и желающих изменить ее согласно своим взглядам, но слишком малочисленным, чтоб это сделать. На этом ее наследие и закончилось, и к завершению эпохи Романовых на престол взошел истинно русский царь Александр Третий, время правления которого ознаменовалось невиданным расцветом русской культуры и искусства. Русский народ впервые ощутил себя сердцем Евразийского континента, который суть – сердце всего мира.

Следующим изломом стала марксистская революция, совершенная как будто в точном соответствии с буквами писанных на Западе трудов некоторых мыслителей. Эта революция была тотальной, и требовала тотального переустройства всех русской жизни в соответствии с буквами нескольких иноземных книг. Истребление противников было еще более безжалостным, чем прежде. При этом вместе с противниками уничтожались и те, кто вызывал малейшие сомнения в готовности следовать словам нескольких книжек.

Но прошел десяток лет, и в русской жизни снова стали угадываться прежние черты. Более того, Русь расширила свои пространства, освоила пространство воздушное, и, в конце концов, вышла в невиданное пространство – космос, дающий невероятный размах для дальнейшей реализации Русской Идеи. Русский народ вновь обратился в сердце Большого Континентального Пространства, еще большего, чем прежде, и вызывал у соседей искреннее уважение и восхищение.

Как видим, неявная, как будто незаметная Русская Идея шутя побеждала своих соперников, впитываясь в ткань всякой эпохи, которая декларировалась, как принципиально «новая», полностью оторванная от прежней истории. Причем, всякий раз действие идеи на народ не только не ослабевало, но лишь набирало силу, и народ совершал во имя ее все большие и большие действия, что находило отражение даже на географии его пространства...

Я располагаю информацией, что в послевоенную эпоху у Сталина был проект создания взамен христианства нового культа – культа Матери-Родины. От него во многих городах Руси остались памятники Матери-Родине, всегда великолепные, один из которых стал фактически символом города Сталинграда – Волгограда.

Кто таинственная Родина-Мать, воспетая и скульпторами и поэтами тех времен? Конечно, не просто земля, где подзолистая, где – черноземная. Она – суть Русская идея, которую гораздо легче воплотить в камне и бронзе, чем описать словами.

Можно легко заметить, что этот новый культ был не таким уж новым, сущностно он продолжал культ Богородицы, в прежние времена распространенный в народном Православии и породивший множество сказок, легенд, символов. До христианства, к слову, ему предшествовал такой же таинственный культ Макоши. Небесное женское начало, воля которого

проявляется не в прошлом и не в будущем, но в каждое мгновение земной жизни, и суть которого состоит в вечной связке Небес с Землею.

Верность Высшей Воле, исходящей от священного женского начала – это суть русской жизни, одолеть которую не в силах никакие теоретические размышления, пусть даже и безусловно правильные с логической точки зрения (чего, кстати, практически никогда не бывает). В переломные времена эта верность принимала два облика – горячий, огненный, что был у староверов и казаков Петровских времен или многих противников марксистского коммунизма начала XX века. Другой ее облик – каменно-холодный, неподвижный, он оставался во всем остальном народе. И если носители горячей верности, как правило, большей частью гибли в борьбе с приверженцами чужеземных «новаций», то вторые были неуничтожимы, ведь они и составляли сам народ. И Русь, ткань которой составляли эти люди, снова становилась прежней, и продолжала свой путь...

Что же случилось теперь, отчего переворот 90-х оказал на Русь такое тяжкое, буквально смертельное действие? Отчего ростки Русской идеи не пробиваются сквозь цифровой асфальт наступившей эпохи? Самое простое – сказать о безнадежной порче самого русского человека, который, наконец, не выдержал нового иноземного учения, либерализма, ибо по сути оно – не учение, а набор соблазнов, направленных не на сознание, а на подсознание.

Допустим, это так. Но заметим, что касаются эти соблазны в основном лишь небольшой части общества, занятой распределением и перераспределением материальных ресурсов и финансовых потоков. Большинство же народа, не приняв чуждых идей, фактически провалилось в непрерывное самоуничтожение, обратив его как будто в смысл своей жизни. Ныне, увы, лишь оно символизирует и верность людей Русской Идеи, и отречение от всего чуждого, что коварными мухами пытается налипнуть на русское сознание. Вопрошать к Небесам через свою гибель и не оставление потомков – вот удел, который сейчас выбирает большинство тех, чьими предками были русские люди...

Есть ли выход? Вопрос надо ставить иначе – дана ли нам Воля его отыскать, вернется ли к нам таинственная женская сущность, именуемая Русской Идеей? Пожалуй, в этом и есть главная Русская Тайна, раскрыть которую мы не в силах, которая может лишь раскрыться нам сама...

Кратчайший курс историософии

Какой момент объявить началом истории, первой точкой исторического времени, от которой сквозь тысячелетия потянулась длинная линия, пришедшая, в конце концов, в день сегодняшний? Был ли вообще такой момент?

Для цивилизаций, воспринимающих время линейно, он, безусловно, был. Но присутствовал он так же и в традициях, принимающих время циклически. Ведь когда-то начался текущий цикл времени, и его начало было столь же значимым для человека, как и начала времени вообще для цивилизаций линейного восприятия времени. Циклы предшествующие для этих народов все одно остались вне исторического времени.

Однозначно, начало исторического времени – это тот момент, когда оторванный от своего Принципа, то есть – от Господа человек, и холодная тьма материи были поставлены рядом, один на один. Для традиций, принимающих ветхозаветную книгу Бытия это – мгновение, когда изгнание Адама и Евы из Рая – состоялось...

Печальными глазами взирал человек на Небеса и вокруг себя, на нелюбящую его холодную материальную массу. Сердце рвалось к небесам, а глаза недоумевающе глядели в разные стороны. С этого момента сама память о Первопринципе оказалась у человека стертой, знание о Нем потонуло во мраке, сквозь который все следующие тысячелетия и тщился взглянуть человек...

Оставленный Господом человек ощущал в себе разум, то есть способность созерцать и действовать, что отличает его от инертной материи. Возле себя он мог созерцать лишь материю, также порожденную Создателем, как и он. Соответственно, поиск возврата к первопринципу мог происходить только сквозь нее. И путей взаимодействия с материей могло быть лишь два – созерцание и действие. То есть, поиск символов Первопринципа в материи и ее преобразование в новые символы. И то и другое направление реализовывалось во всех традициях и у всех народов, но все равно у кого-то преобладал первый путь, а у кого-то – второй.

Народы дальнего Востока однозначно пошли по пути Созерцания. Их тела – суть оболочки, которые легко сбрасываются и одеваются, пока душа шаг за шагом, на протяжении многих жизней усваивает все, что ей потребно для постижения Первопринципа и возвращения к Нему. Материя для нее выполняет роль то помощника, то наоборот – помехи, но никогда не требует действия в отношении себя. Влияние идей этих цивилизаций (буддистской, индуистской, синтоистской) друг на друга и на другие цивилизации оказалось незначительным из-за их глубочайшей погруженности в самих себя.

Исламская цивилизация встала на путь действия. Но ее Действие произошло как порыв – стремительный захват половины мира, и столь же быстрое последующее остывание. Поиск пути к Первопринципу через суровую внутреннюю борьбу, отраженную на битву со всем миром, этот путь не раскрыл, и Исламская цивилизация вновь вернулась к созерцанию, которое хоть и связано с действием, но последнее не является уже определяющим. Хотя Богоискательство-действие сохранилось еще на какое-то время в арабской алхимии, оно уже не определяло Исламскую цивилизацию. Исламское созерцание, конечно, сохранило свои особенности, сделавшись в большей степени не поиском символов Первопринципа в недрах материи, но наблюдением за собственной жизнью, протекающей среди материи. Вместе с тем, Исламская цивилизация к сегодняшнему дню все равно остается преимущественно созерцательной.

Лишь две новозаветные, христианские цивилизации пошли по пути преимущественного Действия. Это – Западно-Христианская (католическая) и Восточно-Христианская (православная). Они и определили состояние мира, на протяжении веков влияя на другие цивилизации.

лизации и друг на друга. Обе цивилизации пришли к осознанию законов диалектики, пусть Западная изложила их формализованным языком Гегеля, а Восточная, также осознав, никогда не излагала их на бумаге. Законы диалектики не есть законы Материи. Они, по существу, являются законами человеческого познания материи, как о том говорил Н. Бердяев. Но в целом их значение для людей столь же малопонятно, как и в те времена, когда Гегель творил свои труды. Суть в том, что законы диалектики означают познавательное движение мысли, но постольку, поскольку нет закона, указующего это направление и конечную цель, движение мысли как будто происходит в бесконечно, что то же самое, что – в никуда. Потому к известным трем законам диалектической логики – единству и борьбе противоположностей, переходу количества в качество, отрицанию отрицания, отвечающим, на вопрос «как», означающим «технологию» познания, следует добавить еще один, четвертый, обобщающий закон. Он будет отвечать на главный, всеобъемлющий вопрос «зачем».

Этот интуитивно ощутимый мыслителями прошлого, но впервые сформулированный здесь закон я назову законом «возвращения к Истоку». Согласно этому закону всякая идея стремится к поиску своего Принципа. Что есть принцип идеи? Он – сродни миру Платоновских идей, вернее – первоидей – уже не земных, но небесных, он соответствует, по сути, поиску качеств, присущих уже Первопринципу, то есть – Богу.

Попробуем посмотреть на три известных диалектических закона с позиции вновь открытого, четвертого. Первоидея по своей сути, не должна содержать в себе противоречий, полностью охватывать полноту своей области Бытия, и содержать в себе качество явления, которое уже при своем развертывании может переходить в некое количество. Движение мысли в ее познании устраняет противоположности (единство и борьба противоположностей), находит качественное понятие явления (переход количество в качество), охватывает полноту области бытия, соответствующей идее (отрицание отрицания).

Таким образом, мы видим движение, но направленное уже не в некую «дурную бесконечность», а в сторону первоидеи, реализация которой и привела к возникновению данного явления.

Закон возвращения к истоку связывает диалектику с Традицией и дает нам возможность понимание отношения разных традиций к осознанию материи.

Две христианские цивилизации подобны двум рукам, направившим свои жадные пальцы в небо. Но при сходстве, они, подобно правой и левой руке, имели важнейшие различия. Ибо Богоискательское действие Западной цивилизации было сосредоточено на посюстороннем мире, а действие Восточной цивилизации было направлено на Бытие во всей своей полноте, на Космос.

Пройдя через поиски первоматерии (философского камня), в котором наиболее полно отразился принцип возвращения к истоку, через возвращение Святого Града, через стремление обратить в свою веру все народы, Западный путь оборвался, и народы, следовавшие ему, потерпели глубокое разочарование. Пространство Действия сжалось до размеров отдельных жизней, до их удачливости или неудачливости, в которой люди тщились найти Бога. Западное протестантство, крайностью которого стал кальвинизм и пошедшие от него учения (пуритане, баптизм), означало обрыв пути действия, направленного на постижение Первопринципа. Уже через несколько поколений из него испарился уже и тот смысл, который в нем видели протестанты, и все манипуляции над материей навсегда «запечатались» внутри материального же мира. Такое мировоззрение, выраженное в идеологии либерализма, по большому счету – «отход» взаимодействия человека и материи, идейные помои.

Восточная цивилизация, центр которой в XIII веке переместился из Византии на Русь, искала Бога во всей полноте Бытия, имея в себе и Созерцание и Действие. Сначала поиск Первопринципа происходил на необъятных и почти безжизненных русских просторах, в котором русским людям виделся весь Космос. Когда они были пройдены, богоискательское

действие не остановилось, оно устремилось в третье измерение – в Небеса, в то пространство, которое позже было названо космосом в узком смысле этого слова. Возможно, что дальнейшее направление этого пути – освоение иных, пока недоступных нам измерений (так же, как в Средневековье было недоступно третье измерение) и поиск первопринципа в нем...

Но Русскому пути препятствовал путь, реализуемый «злой соседкой», цивилизацией Запада. На ранних этапах это приводило к боевым столкновениям, которые не несли большого вреда, лишь укрепляя русскую веру. Но позже, при разложении западного пути действия, чужая цивилизация стала заражать Русь своими ядовитыми миазмами.

Наибольший вред русскому человеку принесло такое его качество, как артистичность, способность легко, и даже гротескно подражать человеку другого народа. При реализации пути космического богоискательства эта особенность нашего народа играла благую роль. Объединяя в своей душе грека и самоеда, татарина и немца, русские люди стяжали полноту мира, совершая шаги по лестнице, ведущей в Небеса. Но все изменилось, когда русский человек принялся со всей силой своего духа изображать из себя человека разложившегося Запада. Игра сделалась навязчивой, агрессивной и однообразной, и ее неизбежным результатом сделалось утопление Руси в помоях Запада и фактическое исчезновение Русского человека.

Сейчас натянутая снаружи чужая шкура покрывается многочисленными язвами и прыщами, болезненно напоминающими «артисту» о близком конце мира. Дальнейшее пребывание в этом чужом «костюме» грозит «актеру» гибелью вслед за его «творческим образом», настоящим костюмовладельцем.

В последнее следует вдуматься, сосредоточиться на мысли, что ныне на каждого русского человека надет чужой костюм. Эту мысль следует повторять про себя долго, до тех пор, пока сознание не определит, где заканчивается чужая, накладная шкура, и где начинается родная плоть, содержащая в себе родную душу.

Слишком много лет мы просто наблюдали за тенями западного окна...

Тени западного окна

Потерянное или брошенное дитя всегда ищет своих родителей. Ищет иной раз безнадежно, тщетно, то подходя к заветной цели своих поисков, то болезненно теряя ее. Сначала ищет по-детски наивно, пытаясь узнать во встреченных лицах родные черты. Потом – повзрослому серьезно, роясь в пропыленных, пахнущих мышами архивах различных канцелярий, старательно отыскивая малейшие упоминания о тех, кто мог бы быть его родней. Искорки надежды то вспыхивают, то гаснут, уничтожаемые сырими ветрами беспроектной жизни.

Ищущий ничего не ведает о тех, кого разыскивает. Может, его потеряли очень добрые, хорошие люди, и встреча с ними станет морем радостных слез, а потом – долгим воспоминанием о годах жизни, которые они без своей вины прожили порознь. Будет взаимное сочувствие и тягостное желание заглядеть вину разлуки, которую потерянные родители все-таки остро чувствуют за собой, хоть с чужого взгляда ее вроде как и нет. Они станут делать для чудесно найденного, выросшего в чужих руках отпрыска все мыслимое и немыслимое, но горькое чувство от этого все одно не станет идти на убыль.

А, может, его бросили очень скверные людишки, которые захлопнут дверь перед носом возвращенного потомка, и тогда он навсегда обратится для них в пучок игл ненависти, готовых в любое мгновение пронзить своих предков. Хотя такое, конечно, едва ли случится. За много лет даже крохотные капли раскаяния, скорее всего, проломили-таки камень их злобы, и момент встречи сделается бурлящей рекой их радости о том, что теперь хоть часть вины с них смыта.

Как бы то ни было, момент встречи окажется той золотой точкой, которая вберет в себя не только прежние, но и все последующие годы жизни. Мгновение, которое самоценно, способное вобрать в себя всю жизнь и сделаться ею...

Оно, это мгновение, может никогда и не наступить. И тогда поиски будут идти до самой смерти, даже когда потерянных родителей уже определенно не может быть среди живых. А последний день ищущего окрасится лучиком надежды, что уж на Том Свете, где нет времени и пространства, где окажутся все, кто был разлучен при жизни, он определенно найдет тех, кого всегда искал. Да, в день смерти такого человека всяко будет больше радости, чем горя...

Поиск своего начала заложен в человека, его нельзя отменить и упразднить. Быть может, этим человек и отличается от животных. Но помыслы и чувства зверей нам неведомы, и по-настоящему сравнить себя с ними мы все одно никогда не сможем. А вот про людей можно сказать, что с самого их появления в оторванном от небес мире, возникло и Богоискательство, это стремление отыскать свое небесное начало...

Богоискатель. Старец, уединившийся в пустыне или одиноко простоявший свой век на камне. Он более принадлежит Небесам, чем Земле, он почти бесплотный, сквозь его тело просвечивает Солнце и виден блеск звезд. Людей, которые подойдут к нему, он не прогонит и ни в чем не упрекнет, он даже им поможет мудрым советом или исцелением от земных недугов. Но никогда не скажет им всего, что ведает, и сам для них навсегда останется воплощением небесной тайны, явленной к ним лишь затем, чтобы еще раз показать ее присутствие. Немногие могут пойти вслед за старцем, встать на камень или поселиться где-то в тихой глуши, чтобы не видеть и не знать ничего, кроме Небес, к которым их будет приближать каждый день их жизни.

Большинство же людей живут соприкосновением с пластами материи, или с себе подобными людьми. Их глаза привыкли смотреть в стороны и вниз, но не в небесную синь. Но Божий дух где хочет, там и веет, и Господь есть не только наверху, но – повсюду. Потому

и поиск Воли Господней люди совершают повсюду, идя разными путями к одной цели, когда обретая ее, когда – нет, когда находя совсем другое...

Затянутые в железо люди и кони, остро наточенные мечи и копья. Стальная река уже намаялась своей тяжестью, пронеся ее через многие версты и едва не раздавленная ею. В иные дни рыцари едва ли не запекались в жаровнях беспощадных доспехов. Вместо защиты они даровали своим носителям лишь зной да жажду, да кровавые мозоли на плечах и шеях. В иных краях они наоборот, становились ледяными и похищали тепло из плоти, мучая рыцарей зверским холодом. На корабле они грозили утянуть в донный мрак небытия, ведь победить их каменную тяжесть не мог и самый могучий из воинов.

Когда показывались враги, молниеподобные легкие сарацины, и тогда сталь была бесполезна. Да, слабенькие сабли врагов были беспомощны против железнокожих панцирей, но они ведь и не пытались их прорубить. Коварные враги, пренебрегая правилами рыцарского боя, нападали на беззащитный обоз, рубили слуг и оруженосцев. Когда тяжеловесная рыцарская лавина поворачивалась на выручку, дети пустыни бесследно исчезали, словно их впитывал сам родной песок. Рыцарям оставалось лишь пролить слезы о потерянных усердных слугах, да в очередной раз урезать и без того скудный паек.

И вот, дороги пройдены. Много, ох много мучительной пыли набили они под железные шкуры! Но вот уже впереди виднеются стены белого города, который – цель долгих мытарств, пережитого голода и зноя, бессонных ночей. Теперь железо может вымолить прощение у своих хозяев. Город – это не пустыня, в нем никуда не ускачешь, рубиться придется по-настоящему, и тяжелые германские и французские мечи честно встретятся с кривыми саблями.

Припав на колени, воины молились. А немного поодаль так же молились их слуги и оруженосцы. Взгляды рыцарей были остры, как солнечные лучи, на лицах застыла уверенность. Один рывок – и последний глоток из чаши страданий будет испит, долгая дорога завершится, и все нажитые грехи, вольные и невольные, известные и неведомые, разом разлетятся в неведомую пыль. Едва их руки коснутся Гроба Господнего, тут же растворятся все беды, насланные на погрязшую в грехах и невежестве Землю, и откроется лестница, ведущая на самые Небеса. Умершие сделаются живыми, потерянные – обретенными, больные – исцеленными. Только один бросок...

Воин с золотыми крестами на доспехах сидел на камне и задумчиво смотрел в сторону Иерусалима. Он знал, что этот город укреплен лучше любого европейского, а сарацин в нем – раза в три больше, чем его рыцарей. Белизна стен Божьего Града вызывала в нем печаль, он знал, что скоро она станет красной от крови его вассалов, а, может, и от его крови. А там, где не будет красного – там сделается черно от чадливого дыма многих пожаров.

Но уходить – некуда. И не только потому, что оказавшись снова в пустыне, бежавшее войско растеряет измученных коней и умрет от голода. Нет, в этом городе был сокрыт самый смысл жизни многих его предков, невесомые взгляды которых сейчас жгли его кожу, проникая сквозь увесистый панцирь. Зарождение рыцарства, искусство обращения с мечом и копьем, бесчисленные турниры и войны друг с другом – все было лишь для того, чтобы теперь они пришли сюда и узнали Божью волю в самой последней битве. Искусство кузнецов и шорников, молитвы святых и монахов – все сейчас сжалось на острие копий и мечей его воинства. Только теперь можно узнать, угодно ли все это Тому, во имя Кого совершалось вот уже несколько веков – Господу. И, если окажется, что нет, если не взятый город будет горделиво насмехаться над бегущим войском, то... То из такого боя живым лучше не выходить! Готфрид уже это понял, и решил, что будет биться с сарацинами даже если останется один, даже если будет лежать израненным на городской улице, но пронзенная рука еще сможет удержать заветную рукоять меча...

Герцог Готфрид Бульонский, как называли его свои, германцы, или Годфруа Буйонский, как звали своего предводителя рыцари-французы, превратил свою жизнь в дорогу к последнему дню, к дню входа в Град Божий. Его не прельщало богатство, не радовала слава, и от войн, которые то и дело начинали и прекращали его соседи, он всегда держался в стороне. Над ним смеялись, его считали трусом, а он шел на разные уступки, и всегда держал мир. Доставшееся по наследству богатство он потратил, чтоб найти в германских и франкских землях бедных рыцарей, вооружить их и повести за собой. Повести туда, куда не отправился никто из его бывших соседей, удерживаемый цепью страха за свою землю, свой дом, свою семью. Возвращаться ему некуда – в родной Лотарингии правит уже другой герцог, его брат. Может, он и примет его домой, но тогда Готфрид навсегда обратится в сгусток позора, которому никогда не будет прощения. Над ним будут нагло посмеиваться рыцари, аккуратно прятать насмешку епископы, и от души хохотать в своих жилищах простолюдины. Нет, этого ему не снести...

И Готфрид ходил на разведку, подставляя свою голову под свистящие с городских стен вражьи стрелы. Скоро он знал в Иерусалимской стене уже каждый камешек, каждую выбоину. И каждая каменная глыба говорила герцогу о безнадежности битвы, о грядущем поражении. Но кроме каменистой материи, сложенной в стены, были еще безбрежные небеса, синева которых казалась самой мудростью. Они ничего не вещали, они пребывали в таинственном безмолвии, но Готфрид знал, что если есть их воля – будет сокрушен любой камень, а если нет – то преградой станет и случайная колючая травинка.

Там, где песок пустыни переходил в песок морского дна, причаливали галеры. На них сновали купцы, шеи которых были украшены крестами. На берег выкатывались бочки с водой и вином, извлекались мешки с провизией. Но, главное, с кораблей спускали тяжелые бревна и доски, которым предстояло сложиться в незаменимые осадные башни. Купцов Готфрид ненавидел, пожалуй, больше, чем сарацин. Называясь христианами и участвуя в самом важном деле христианского мира, они брали за все привозимые товары три, а то и четыре цены, и скоро в их карманы перетекли почти все скудные сбережения герцога. Одно слово – венецианцы, без рыцарей, герцогов и короля живут, в головах ни одного огонька, одна вода наживы. Покарать бы их, да не до Венеции сейчас, и не обойтись пока без купцов этих алчных. А как Иерусалим будет взят – тем более не до них станет...

Все-таки купленные чуть ли не на вес золота бревна и доски сложились-таки в две красавицы-башни. Им суждено первыми глянуть на землю, по которой ступал сам Господь, но которая ныне истоптана ногами неверных. А вслед за взглядом полетят и рои стрел, пучки копий, потоки огненной смолы... Главное только подогнать их к стене.

Сняв увесистые кованые сапоги, воины босиком шли крестным ходом вокруг не сдавшегося города. Небеса наполнились псалмами, и мир казался столь безмятежным, будто город сам собой раскрыл ворота и пустил крестоносцев без битвы. Кто-то из рыцарей безмолвно плакал, вспоминая родные лица и родные земли, кто-то почесывался – одолели вши. Но все они сейчас слились в один крик, в одно слово, которое уже никогда не умолкнет...

Рыцари собирались к бою. Взгромоздившись при помощи оруженосцев на коней, они скакали к расстилавшемуся под стенами града полю, и выстраивались в боевые порядки. Позади рыцарского войска строились пришедшие с разных уголков Европы простолюдины-пехотинцы. Пропел боевой рог.

С волнением смотрели воины на острия своих мечей и копий. Они с младенчества уважали свое оружие, но ныне в их руках было нечто большее. Они сжимали орудия поиска самого Господа, и сами сделались этим орудием. Ощетинившаяся лавина бросилась на городскую стену, но была сметена градом копий, который неожиданно пронесся из нее, как из страшной тучи. Белый камень сделался красным, воины отпрянули, но лишь затем, чтоб собраться и снова ринуться на приступ. Один удар, второй, третий. Будто кто-то бил голый

ладонью по острию топора. Город оставался невредимым, но покрывался все новыми и новыми потоками германской и французской крови.

При каждом броске простолюдины, пришедшие вслед за рыцарями, наваливались на непокорные колеса осадных башен, и те продвигались чуть-чуть ближе. Несмотря на важность их работы, пронесившиеся мимо рыцари окидывали этих людей презрительным взглядом. Но пехотинцы отвечали лишь еще большим усердием. Ведь в том мире, который откроется за стенами этого города, не будет уже высших и низших, знатных и незнатных, все сделаются едины во Христе, как и были в самом начале. Надо только еще навалиться, толкнуть, продвинуть...

К вечеру облако одуряющего кровавого запаха застыло над городом и равниной. Одна из башен стояла уже вплотную к стене, но войско сильно ослабло, и не могло собрать силы для последнего рывка. Пехотинцы вытирали обильный, кусающий глаза пот, когда с высоты стены на них обрушился шипящий смоляной поток. Обожженные, они отпрянули, стараясь сорвать с себя легкие пехотные доспехи, чтобы как-то унять нестерпимую боль. Но тут же были пришпилены к земле роем копий, выпрыгнувших сверху так же внезапно, как и смола. Башня осталась беззащитной, и ликующие сарацины с воплем принялись спускаться с высоты по сброшенным лестницам. Намерение их было ясно – порубить, разбросать, сжечь ненавистную башню, безмолвный взгляд которой уже окидывал городские улицы.

Готфрид понял, что потеря башни будет означать конец. Пока привезут новые бревна и доски, пока соберут новую башню. А войско будет уже не то, оно сегодня поредело раза в два. И город не будет взят, и Гроб Господень навсегда останется в их руках... Неужто такова Божья Воля?

Готфрид понесся к месту, где сейчас решалась судьба всего мира. Но его опередили. Дикие рыцари, нормандцы, с яростным криком набросились на врага, вдавливая его живьем в землю, размазывая гадкими пятнами по стене, с которой он только что спустился. Меч короля Роберта рассекал их тела, словно нож – спелые груши, и скоро башня оказалась снова в руках крестоносцев. На нее уже поднимались лучники.

Все новые защитники крепости появлялись наверху, но их раз за разом сметали острые стрельчатые стаи. Вот их уже меньше, вот еще меньше...

Готфрид с отрядом спешившихся рыцарей стоял на вершине башни. Сейчас конь бесполезен. Простолюдины уже перебрасывали на стену большой дощатый помост. И вот герцог пошел вперед, на циклопического сарацинского ежа, выставившего ему навстречу свои колючки.

Бой перенесся на стену, а оттуда прыгнул в самый город. Храбрые норманны, воспользовавшись замешательством защитников, проломали ворота, и городские улицы наполнились конским ржанием и звоном тысяч мечей. Обезумевшие сарацины бросались прямо на острие, на верную смерть, сиюсь дотянуться своими короткими саблями до воинов из другого конца света. Трещали и ломались легкие копыя, гнулись о панцири сабли. Не имея пути отхода, толпа арабов сжималась на главной площади, в бессильной ярости размахивая бесполезными саблями. Битва перешла в расправу, и скоро остатки сарацинского войска обратились липкой бесформенной кучей. Крестоносцы растеклись по городу, отмечая дорогу к Господнему Гробу выпотрошенными телами сарацин и евреев.

Все стихло, над взятым городом плыла победа, перемешанная со стонами раненых (разумеется, своих, чужие были безжалостно добыты). Остывающие крестоносцы шагали к Господнему Гробу, по дороге снимая со своих лиц остервенение и заменяя его смирением и покорностью. Вот они уже собрались в молитве, запели псалмы, и с напряженным ожиданием подняли головы к небесам. Чувствовалось, что этот миг был для них важнее, чем вся сегодняшняя битва. Они жаждали чуда, ждали открытия широкой небесной дороги!

Но все оставалось по-прежнему – искалеченный город, груды мертвых тел, которые уже начинали обнюхивать крысы, пустой Господний Гроб, да запертые небеса. Два рыцаря даже бросились с городской стены, рассчитывая взмыть на этой святой земле прямо к облакам, но упали на землю. Единственное чудо, которое с ними случилось – это что оба уцелели и даже не покалечились, не увеличив и без того большое число сегодняшних мертвецов.

Недоумевал и сам герцог. Он задумчиво стоял возле Гроба, и отыскивал глазами в небесах хоть малейшее знамение, хоть крохотную лазейку. Но тщетно. Явившая себя Божья воля исчезла, оставив воинство на улицах просто взятого города.

В только что отвоеванных домах, окруженные своими слугами, стонали раненные. Многие из них даже плакали. Вроде бы, раненым так и положено, но сейчас стоны и плача было куда больше, чем где-нибудь в родных землях. Воля Господня не посылая им даже чудесного исцеления, и оттого делалось совсем страшно. Неужели Господь отвернулся от своего земного воинства, и отвернулся навсегда?!

В Иерусалиме победители еще долго ждали. А потом мало-помалу стали организовывать свою жизнь на манер какого-нибудь крошечного европейского королевства. Герцог Готфрид Бульонский прожил всего лишь год, потом его сменили последователи, Иерусалимские короли, приходившие из разных стран Европы. Но власти у них было мало. Отнимали ее многочисленные магистры орденов, да и другие герцоги, для которых король Иерусалимский был просто самым знатным из равных. Хозяйство в королевстве наладить, конечно, не удалось. Своих крестьян не было, бедуины из окрестностей разбежались, да и какая с них дань, с верблюжьих пастухов?! Кормилось оно только лишь подаяниями паломников да Папы.

Весь свой предсмертный год Готфрид больше раздумывал и глядел в небо, чем управлял своим крошечным государством. Он не замечал, что привычных ему суровых воинов здесь становилось все меньше и меньше. Их место занимали грамотеи, старательно собиравшие истлевшие еврейские манускрипты. Они шуршали бумагой, скрипели перьями, переводя древнюю писанину на свои родные языки, составляли новые и новые книги. Говорилось в книгах о толкованиях Ветхого Завета, который в Палестинских краях за много веков изучили до каждой точки, до запятой, до нечаянной помарки, допущенной в самом старом из всех свитков. Казалось, что если залезть в самую глубину писаний, то можно найти и то слово, которое есть сам Господь.

Новый Завет в этих краях никто не знал и не изучал. Давным-давно он был отброшен прочь, в сторону тех народов, откуда ныне пришли завоеватели. Но теперь победители жадно впитывали в себя то, что отброшено не было, что ревностно хранилось только для своих, кто едва появившись на свет уже избран. Потому северные ученые брали старинные пергаменты, как драгоценности, и много раз вчитывались в их строки с чувством, будто собирают золотые самородки или драгоценные камни. Ведь тайны древних еврейских мудрецов – это не Евангелие, которое в каждой церкви толкует любой приходской священник. Для всех попало, включая бродяг, нищих и разбойников! Стрелы новых мыслей, сваренных из ветхих букв, летели из Иерусалимского Королевства на страны Европы, ранив души их народов.

Иерусалимское Королевство скоро пало под натиском сарацинов. Зато Европа остервенело зашуршала пергаменными, писанными и переписанными, переведенными и перепереведенными. Самым знатным ремеслом теперь сделался не огненный труд кузнеца-оружейника, но тихая и чистая работенка писца. Отголоски писаных знаний достигали герцогов и королей, поучая их жизни и правлению над своими народами.

Манускрипты читались и перечитывались монахами, и грехи из тяжелых, сгибающих к земле гирь, обращались в пушинки, которые стало возможным легко сдуть. Ведь обязательно где-то, в каком-то из мудрых сочинений написано, что свершенное тяжкое деяние можно легко оправдать, а, значит, за него никто и не осудит, даже – Всевышний. Ну а если не хочешь

читать и раздумывать, если неграмотен, можешь за немного монет купить индульгенцию, и она за тебя сдует греховную пушинку!

Беда, что писаний было много, а толкователей появилось еще больше. Слова мыслителей собирали вокруг себя полуграмотных сторонников, которые уже брались за мечи и копья. Все они не сомневались, что Воля Господня им уже раскрылась. Теперь дело за малым – защитить свое знание о ней от противников и насадить его везде, где только возможно.

* * *

Город утопал во мраке. Глухие улицы были страшны и безлюдны, оттого у случайного путника не могло возникнуть сомнения, что место это – покинуто и проклято. Несомненно, он бы бежал отсюда. На полном скаку он перелез бы Альпы, и ушел бы скорее прочь, хоть в Германию, хоть во Францию. Но нечего делать в этих землях странникам – нет здесь святынь. Нечего искать тут и нищим – все одно никто не подаст, а только избыют и обсмеют.

Улицы давно не ведали радостей, не было на них шумных праздников, да и просто веселых людей тоже давным-давно не встречалось. На главной площади уныло возвышалась громада собора, плакавшего по тем славным временам, когда он был католическим храмом. Завтра в нем будет говорить свою проповедь тот, кто создал этот неласковый мир.

Сумрачный, уткнувший в седую бороду тоскливые глаза, он взойдет завтра на аналой, и снова скажет о предопределении каждого к Раю или аду, которое Господь вложил в мир в самый день его сотворения. Он расскажет о равнодушном, отвернувшемся Боге, воля которого излита давным-давно. Она входит в каждого из нас в самый миг рождения, и смысл жизни состоит лишь в том, чтобы отыскать ее внутри себя. Воля Всевышнего не молчит, она вопиет, но надо услышать ее глас, и сделать это несложно. Каждая звонкая монета, что задерживается в руках, падает в кошелек, а потом запирается под замок – это звук высшей воли. У кого больше удачи в этом мире – тот будет счастлив и в мире том, радость монетного звона в руке и в кармане – отражение большой радости Рая.

В городе Женева Господа ищут все, и все стяжают в руках земные богатства, которые – малая толика богатств небесных. А обделенных нечестивцев тут презирают, их с позором изгоняют вон. Так недавно изгнали некогда богатого лесоторговца, который вконец обеднел после двух пожаров на своих складах, вызванных ударом молнии и нерадивостью рабочих. Никто не усомнился, что пожары были следом невидимой руки Божьей, которая щелчком вышибла несчастного из Его царства еще задолго до рождения самого торговца лесом. Только он сам до сей поры об этом не знал...

Наступил рассвет, и люди уныло стекались к соборной площади. Сегодня – суббота, ветхозаветный святой день, который обрел новую святость стараниями хозяина этого города. Вот он – вроде бы скромный и незаметный, вжав голову в плечи, восходит по лестнице в бывший храм. Теперь это – всего лишь молельный дом, а скорее – место слушания одной и той же проповеди.

С малых лет Жан узнал, что сама его жизнь – незаконна, что его самого, вроде бы, и не должно быть на белом свете. Ведь родитель его – епископ, он обещал Всевышнему, что никогда не вступит в брак, что его женой на веки будет церковь. Значит, сам он – застывший во плоти грех, греховная кровь течет в его жилах и от рождения греховное сердце бьется в груди?

Маленький Кальвин просто не мог не протестовать против несправедливости. Ведь он ничем не отличался, скажем, от Пьера, сына мясника или Мишеля, сына сапожника. Но какой-то обет, данный его отцом даже не Богу (ведь, конечно, ангел с посланием ему не являлся), но самым обычным людям, делает Жана каким-то неправильным, стоящим в этом мире где-то ниже других! И Жан рылся в книгах, отыскивая и находя себе оправдание. Отец

помогал ему в этом, он приносил ему в большом количестве книги, богатые разными мудрыми словами. Его восхищала мудрость фарисеев, которые могли всегда правильно истолковать Закон, подведя под него любой случай из жизни. Вот бы сделаться им, а не католическим священником, которому сперва приходится давать много-много обетов, а потом в угоду своей жизни потихоньку их нарушать, и старательно скрывать свое неповиновение...

Но ведь фарисеи происходят из народа, который сам себя объявил избранным, и человек иного племени никогда не станет хранителем Моисеева закона... Избранничество по крови – вещь темная, часто не доказуемая. Подтверждения ему никогда не найдешь в годах своей жизни.

Взрослевший Кальвин проводил дни и ночи за книгами, силясь отыскать желанные слова об Избранничестве. И один раз, на исходе бессонной ночи, когда болезненно истлевал очередной свечной огарок, в одной из книг он обнаружил желанное слово – «Предопределение». Оно перевернуло его сознание, ибо Кальвин понял, что судьба каждого определена задолго до его рождения, Предопределение нельзя изменить, его можно лишь узнать. Оно, конечно, и есть Божья Воля, и если он познает ее в себе, то познает и Бога.

Кальвин решил обращать людей в свою веру. Если она будет принята, значит Жан избранный, если нет – он и в самом деле проклят, что заложено с самого начала миров и никак не связано с клятвопреступлением его отца. Вернее, отцовский грех мог быть заложен точно так же.

Родина не принимала нового учения. С большим трудом Кальвин набрал десяток учеников, и с ними разъезжал по стране, скрываясь от преследования. Здесь оно было чуждо и воинам, и крестьянам, и кузнецам, и гончарам. Один рыцарь, прошедший сквозь каленую сталь нескольких войн, едва не пронзил его кинжалом. Привыкший искать Волю Божью в сражениях, ставя себя на зыбкую линию между жизнью и смертью, он возмутился беспроектным учением до сжатия привычных к бою мускулов. Учителя спасли ученики, закрыв собой от гнева яростного воина, после чего они спешно покинули тот городок.

Исходив свою страну, Жан перешел через горы, в неприступную природную крепость – Швейцарию. Пробираясь сквозь Альпы, он едва не замерз, и озябшим, с дрожащими руками и ногами он вошел в богатый город Женеву, где царил мир даже тогда, когда соседние народы истекали кровью войн. Эта, в прошлом нищая страна, жители которой когда-то служили за мелкие монеты в пехоте всех европейских правителей и бегали за хвостами коней всех рыцарей – своего рода символ слова «Предопределение». Теперь, когда день ото дня росла торговля, когда ручейки товаров стали обращаться в реки, природная крепость стала невзламываемым сундуком, в который каждый купец может спрятать свои деньги. Когда сражения под стенами этой горной страны делались все более зверскими, она смогла торговать на все воюющие стороны, и откладывая у себя звонкую монету. Чужая кровь, страдания раздавленных войной областей здесь отливались золотистым звоном, который с каждым годом делался все громче и громче. Здешний народ трепетно ожидал мудреца, который объяснит наконец, что нет праведных и неправедных путей хождения богатства, ибо золото всегда – одно, а, значит, одинаков и его смысл. Надо только, чтоб сказаны нужные слова были твердо и без сомнений. Чтоб в них все поверили, а, значит, уверовали бы в конце концов, что мысли исходят с самих Небес.

Мудрец пришел туда, где его жаждали, где его слова пролились сладостной влагой. Среди богатых торговцев и ростовщиков он и нашел верных последователей. Ведь удача и неудача в их делах так часто не зависели от ума и таланта, и приходили будто сами собой. Неудача не значила смерть, проигравший мог жить дальше и повторять попытки оспорить волю судьбы. До тех пор, пока не падал духом, как погорелец-лесоторговец. Тогда на него ложилась печать всеобщего проклятия, ибо его признавали проклятым самим Господом.

Жан Кальвин чувствовал себя Избранным. Ведь столько лиц сейчас жадно взирали на него, он был здесь самым уважаемым человеком, город находился в его власти. Он откроет рот, и люди будут глотать его слова, которые он повторил здесь уже много раз, но все равно они звучат для них, как приходящее с Небес Откровение.

Много внемлющих глаз и широко раскрытых ушей, много знаков его избранничества. Но появляются-таки проповедники, снова вещающие о изначальной чистоте людей, на которую те по своей, данной Господом, воле накладывают серые пятна грехов. Снова повторяют слова о милосердии к несчастным, вспоминают Христа, который не брезговал мытарями и блудницами.

Эти люди для учения, конечно, не опасны. Кто будет их слушать в Женеве, вот уже почти век ожидавшей своего пророка и поверившей ему даже прежде, чем он произнес свои слова. Но их появление всякий раз порождает тревогу в сердце самого пророка, и это уже страшно. Конечно, во все, что он сказал за свою жизнь, Кальвин верил каждой капелькой своей души, ведь тому, кто вложил в нее Предопределение, он свою душу и отдал. Но все же при встрече с кем-нибудь из них где-то в самых глубинах, непрозрачных для взгляда внешних людей, начинают все-таки шевелиться какие-то невидимые существа сомнения, которые и выглядывали тоской из его глаз. Ангелы они или демоны – и не поймешь, но лучше, когда их нет. Ведь их шевеления как будто говорят о том, что не нашел Кальвин Бога, как не искал Его на каждом шагу своей жизни.

Потому очередной проповедник, пробравшийся в Женеву сквозь природные преграды, будет завтра казнен на соборной площади. Кальвин сам зачитает приговор, и станет зорко следить за расправой. Рот у обреченного все равно будет крепко завязан, за этим уж проследят, и Жан все равно не услышит ни слова из его уст, как бы тот не стремился их выбросить из тени надвигающейся смерти...

Богатства множились. Они притягивали на свою сторону вроде бы чуждых им воинов, и те завоевывали все новые страны, разражавшиеся, будто обильные тучи, новыми потоками товаров. Они потихоньку привлекали таких же чуждых ученых, и те, прекращая искать Бога в закоулках темной материи, одаривали покупателей новыми машинками и механизмами. К тем народам, которые не взяли учение Кальвина из рук самого учителя, оно пришло позже. Потихоньку, спрятав свое имя и забившись в трюма пароходов, полные заморских товаров. С товарами учение о предопределении и вышло наружу, разбрелось по домам и дворцам, не выдавая своего основателя. В те же страны, куда оно не приплыло на мешках с голландскими тряпками, учение влетело с пушечными ядрами...

* * *

Тяжела вахта на паруснике. Слово «стоять» к ней неприменимо. То и дело приходится лезть по качающимся, зыбким мачтам, а оттуда перелезть на качающиеся под телом реи. Жизнь и смерть сливаются в медленном танце, который длится до тех пор, пока моряк доберется до нужного паруса, не поднимет или не спустит его, после чего вернется обратно на шаткую палубу. Но на этом игра со смертью не кончается. Лютая волна может смыть матросика за борт, и там ему останется надеяться лишь на зоркость своих товарищей. Если они проглядят, если рев стихии заглушит отчаянный вопль, то этот крик станет последним, что издало несчастное тело на этом свете. Потом будет еще несколько часов жуткой, бесполезной борьбы с водяной силой, в ходе которой из тела потихоньку вытечет его жизнь. А потом – стремительное наступление океана, который вольется своей жертве и в легкие, и в сердце...

Кроме бед, уносящих жизнь одного или двух человек, легко может стрястись несчастье, которое сотрет с морщинистого лица моря изящный силуэт парусного кораблика. Он может разбиться о подлые рифы, хитрые морды которых торчат то тут, то там, когда путь

идет ближе к берегу. Он может сгореть, может перевернуться, может прохудиться и нахлебаться воды. Да мало ли чего может стрястись на море, ведь недаром еще в давние времена затруднялись, к кому отнести странствующих по морю – к живым или к мертвым?!

А если еще добавить морскую болезнь, стойких к которой не больше, чем гениев в любой другой человеческой деятельности? В лучшем случае – один уникам на корабле найдется, а обычно – ни одного. С вывернутыми наизнанку кишками и отдыхать-то не очень весело, а что как работать, на ту же мачту лезть, поднимать неподъемный парус?

Бывает, что на исходе оказывается пресная вода. Тогда остатки драгоценной влаги приходится разбавлять тем, что плещется за бортом, и полученное питье делается гадким на вкус и недобрым для здоровья. Но что делать?! Еще быстрее обычно к концу подходят запасы провизии, остаются лишь покусанные крысами сухари, от которых начинается беспощадный понос, быстро растворяющий остатки сил тела и духа.

В иное плавание и матросов не найти, их приходится завлекать обманом – напавать в портовых кабаках и бесчувственных тащить на борт, чтоб очухались они только в открытом море, откуда бежать – некуда. Иногда матросов набирают из каторжников – обмен неволи решетчатой камеры на несвободу качающейся палубы. Обычно среди них добровольцев много – на корабле свободы чуть побольше, можно на вольную воду посмотреть, свободных рыб и радостных птиц...

Зато несчастнейшими людьми становятся капитан и его помощники. Их участь и так незавидна, ведь кроме разделения с матросами всех тягот морской дороги, начальникам приходится трепетно слушать каждый шорох, каждое случайное слово, оброненное кем-то из матросов. Что если замышляется бунт, который морским волкам будет стоить самой жизни? Людская стихия, что не говори, сильнее морской, а если в команде есть бывшие каторжники, тут хоть превращайся в большой глаз и большое ухо, чтоб все видеть и слышать!

В этом плавании все было именно так. Палубные доски кораблей пропитались кровью разбившихся насмерть моряков так, что их было уже не отмыть. Кончилась еда, почти кончилась вода, и на обед шли вываренные в морской воде кожаные снасти, после заглатывания которых казалось, будто съел нож. Все три корабля сильно текли, они словно рыдали солеными морскими слезами, только не наружу, а внутрь, и треть экипажа только и делала, что крутила помпы. Все три команды были набраны почти из одних только каторжников, которым король простил их преступления, а священник отпустил грехи прошлые и будущие. Потому рассуждения о бунте происходили без ложной утайке, везде где только можно. К этим разговорам капитаны уже привыкли и не придавали им значения. Чего бунтовать, если обратный путь будет все равно означать верную смерть – припасы-то кончились? На пиратский промысел в этих неизведанных водах нечего и рассчитывать – в них затерялось всего три деревянные пылинки Европы, и больше – ни одного корабля на тысячи миль вокруг. Едва ли капитаны, которые бунтовщики выдвинут им на смену из своих рядов, придумают что-нибудь лучшее, чем то, что осталось единственно возможным – продолжать путь, надеясь на чудо.

Самое страшное в этом плавании было то, что оно не имело цели. Вернее, его цель была упрятана в сознании главного, который не выходил из своей каюты. По ночам там горела свечка, шуршали какие-то бумаги, скрипело перо. Но никто из матросов, даже грамотный (а такой был один) не мог прочесть таинственные мысли, в которых пряталась его судьба.

Носитель мало кому известного в те времена имени, Христофор Колумб, склонился над картой, где призрачной штриховкой была нанесена земля по другую сторону Океана. Странно, если верить карте, они уже давно идут по суше. По сухо яко по воде...

Родился Христофор в Генуе, городе туго набитым разнообразными товарами, купцами и моряками. Много из того, что было в диковинку в других уголках света, в этом городе находилось с избытком. Просто гуляя по Генуе и собирая потерянные монеты, можно было

набрать их столько, что сделаться богачом. Конечно, не по Генуэзским меркам, но, к примеру, по польским.

Христофор выведал о всех странах, какие есть на белом свете, обо всех чудесах и диковинках. Но помня, что его имя означает – несущий Христа, он выпрашивал, нет ли где-нибудь такой земли, где можно встретить Бога. Собеседники обычно не любили этот вопрос, и вместо ответа принимались опять рассказывать про огнедышащих чудищ да морских чертей. Но это Колумбу было не интересно, обо все этом он слышал уже много-много раз.

Но однажды он встретил старого купца, который всерьез поведал о земле, куда он сам так и не добрался, но где побывал кто-то, с кем дружил его отец. На той земле он увидел много золота, которое устилало самый берег, отчего тот горел, подобно солнцу, и путешественник сперва решил, что попал на самое солнце. Но после осмотрелся, и понял, что здесь самый свет застывает и делается золотом, оттого его так и много. Кто же властен над чистым светом, в силах приковывать его к земле, как ни сам Господь?!

Конечно, Христофор тут же не вытерпел, и, перебив почтенного купца, крикнул «Видел он Господа?!»

Тут его ждало разочарование. Конечно, более всего на свете тот купец хотел увидеть Бога, но встречу с Господом он решил отложить на потом, а сперва собрался наполнить золотом свой корабль. Это он сделал с успехом, и когда последний слиток, больше которого корабль бы не поднял, лег в трюм, поднялся сильный ветер, унесший купеческий галеас в открытое море. Вернуться не получилось, ибо тайная земля словно перестала к себе подпускать. Хоть с купцом были и опытные моряки, но совладать с жесточайшими ветрами и чудесно изменившими направление морскими течениями они были не в силах. Вернулся жадный купец в глубокой печали, ибо он не сомневался, что за жадность теперь попадет в ад. Хотел все золото бедным раздать, да не успел – исчез в неизвестном направлении. Поговаривают, будто от разбогатевшего и как будто впавшего в безумие отца избавились родные дети. Чтоб золотишко не потерять...

С той поры Христофор не мог думать ни о чем, кроме таинственной земли. Целые дни и ночи он пропитывался пылью древних манускриптов, которые правдами и неправдами доставал у купцов. Он хватал каждую пылинку знаний о потаенной земле, в которую попасть живым – редчайшее и величайшее везение, говорившее об особенной Божьей милости. Удача ему улыбнулась, и в конце концов в руки легла карта с начерченной на ней землей-призраком. Как он целовал ее, как ласкал! Будто самую любимую женщину. И на ней он давал обет противиться жадности, и не смотреть на золото, что будет манить прямо из-под ног, а идти вперед, к самому высшему счастью. Он знал, что так оно и будет, ведь он же все-таки Христофор, Христоносец!

Колумб взялся за дело. Он рассчитал время, необходимое для достижения тайной земли, и с радостью убедился, что до нее можно доплыть живым. Потом взялся за постижение морского дела, которое он осваивал на кораблях своего отца. На них же он узнавал известную часть Океана, которая была описана в географических трактатах, и по которой не боялись ходить самые смелые из купцов.

Вот уже все было готово, и можно было отправиться в смертельно опасный путь. Но выяснилось, что никто из генуэзских моряков не рискнет плыть через океан. Ведь здесь все мыслили не иначе, как простым отношением риска и прибыли, и кто же пойдет туда, где опасность бесконечно велика, а о доходе вообще не идет речи? Нет, здесь нужны другие люди, которые свою жизнь могут оценить в ничто, а цель, к которой лежит их путь – во все. Такими людьми могут быть лишь воины. Искать их надо в стране, народ которой много и тяжело воевал...

Так Колумб и оказался в Испании. Но и в Испании ему пришлось скрыть истинную цель своего пути, придумав историю о походе в Индию вокруг света. Освободившаяся от

арабских оков Испания в те годы жаждала простора, но найти его на континенте не могла. Слишком много людей, умевших воевать и любивших войну, ходило по испанским землям, которых для них было мало, а направляться в боевой поход было некуда. За Пиренеями лежала сильная Франция, война с которой ничем хорошим для Испании бы не закончилась, а больше соседей у нее и не было. Потому единственным оставшимся пространством, где могли разгуляться идалго был океан и все, что скрывается за ним.

Долгие годы уговоров и переговоров в конце концов прошли, и перед путешественником выросли три красавца-парусника, которым суждено пронзить самую страшную из всех преград, что есть на Земле. Колумб на них надеялся, он в них верил, ведь прежде чем окатиться сколоченными из дерева, эти корабли сперва сложились из его мыслей и мечтаний...

Конечно, все пошло не так, как замыслил мореплаватель. Поход вышел дольше его расчетов, и к его концу мореплаватели лишились еды и воды. Там, где должна уже была начаться земная твердь – плескались равнодушные волны, а потаенная земля будто нырнула в их глубину. Единственное, на что теперь мог надеяться Колумб – так это на то, что разъяренные близкой смертью матросы убьют его первым, и ему придется меньше мучиться, чем оставшимся в живых.

Но на самой глубине уныния он увидел белое пятнышко, промелькнувшее возле окна каюты. Чайка? Высунулся, посмотрел по сторонам. Точно – чайка! Она хоть и морская птица, но без тверди жить не может, надо же ей птенцов где-то выводить! Значит, земля – близко!

Три последующих дня Колумб не смыкая глаз ходил кругами по каюте, и когда услышал раздавший на марсе крик впередсмотрящего «Земля», то сил у него хватило лишь на то, чтобы упасть и заснуть. Во сне он видел пылающие кресты, а матросы, капитан и прочие начальники, позабыв былые обиды, обнялись и плясали на верхней палубе.

Земля стала уже хорошо различимой, и с каждым мгновением она все росла и росла. Вот уже видны диковинные деревья. На ней зелено, очень зелено... Каждая частичка того, что было Христофором Колумбом, рвалась сейчас туда, к зеленым кушам, которые, конечно, были райскими. Он понимал, что сердце каждого матроса сейчас тоже рвется туда, да и капитаны в этом чувстве – не исключение. Но, что поделать, всем сразу на берег – нельзя, как бы туда не тянуло. Капитанам придется остаться всем, а матросы пусть тянут жребий. Для проигравших у него приготовлено маленькое утешение – хорошо спрятанный запасец вина, о котором знал только он и берег его специально для встречи с таинственной и святой землей. Вот встреча и состоялась!

Его же никто не осудит, если он сойдет первым. И Колумб вскочил на первую шлюпку, которая отваливала от борта парусника в сторону явленной земли. Ветра с ними не спорили, течения не мешались, и Христофор чуял в этом хороший знак. Еще десять гребков, пять, три... Сердце металось, зажатое в узкую щель груди.

Вот и берег. Песчаный, вроде того, что и в Испании, и в родной Генуе. Неужели за ним что-то сокрыто, чего нет там, откуда деревянные тела кораблей начали свой путь?!

Путники молча прошли сквозь заросли неизвестных растений. Дальше рос густой кустарник, за которым торчало нечто неожиданное. Похоже, это были крыши человеческих жилищ. Переглянувшись, моряки пошли вперед, хотя их ноги и тряслись – ни то от волнения, ни то от долгой привычки ступать лишь по зыбкой палубе.

Неожиданно уши заложило от резкого крика, а так как людей не было видно, то казалось, будто орут сами небеса. У Колумба подкосились ноги, то же самое случилось и с его спутниками. Большие силы потребовались для того, чтобы остаться стоять, и при том оставлять глаза широко раскрытыми. Вскоре появились люди. Смуглые, с немного раскосыми глазами, они походили на обитателей земель, которые лежат дальше Руси, и в которых мало кто их генуэзцев бывал – там нет моря. Но кто-то все-таки описал похожего человека, хотя края здесь, конечно, были не те. Ведь пришли Колумб и его спутники сюда как раз по морю!

Описывать их потрясение бесполезно, ведь оно произошло на Земле всего один раз, и больше ничего подобного нигде и никогда не случалось. Причем, ужас охватил обе стороны. Незнакомцы, разом прекратив свои крики на непонятном, ни на что не похожем языке, неожиданно рухнули на колени, склонили головы и закрыли глаза. Все стихло, лишь шумели волны близкого моря, к которым привыкли и моряки и непонятные местные люди, оттого их вечный шепот никто не слышал, по ушам гуляла звонкая тишина.

Если бы Колумб и его спутники могли заглянуть сейчас в души здешних обитателей и посмотреть сами на себя сквозь их глаза... Сегодня сбывалось давно сказанное, сегодня в человеческой плоти к ним явился Господь! Они Его узнали, ведь все сошлось со словами давнего Пророка. Его кожа – белая, глаза – голубые, приплыл он из-за моря на большой рыбе... Только ему неведомы слова их языка, об этом не сказано, но кому не знать, что писанное всегда не похоже на свершающееся!

Туземцы стояли на коленях, ибо никто из них, даже местный жрец, не знали, что им делать дальше. Как встречать своего Господа во плоти и его свиту?! Как Его не прогневать? Совершить обильные жертвоприношения, отобрав у самих себя последнее? Но ведь их совершают для Небес, а как быть, если Он спустился?! Принять, просто как путника, сделать вид, будто не узнали? Или как дорогого гостя, но – человека?! Ведь он же не зря в человека воплотился?! В чем смысл Его воплощения, что принесет народу Его Явление?!!

Колумб, успокоившись от дрожи, смотрел на голые спины коленопреклоненных. Неожиданно поведение аборигенов ему стало не нравится. Ведь если они склоняют колени перед ними, если кланяются им, как богам, значит в их земле не найти Бога! Значит, весь их тяжкий, суровый путь был просто дорогой к новой земле, но не дорогой на встречу с Самим Господом!

Молчание длилось, и вместе с ним наполнялся пузырь недовольства в душе Колумба. Он уже роптал на свое имя, в котором чувствовал теперь издевку. Ведь он, Христофор, отдал свою жизнь исканию Христа, а нашел просто землю, населенную неумными дикарями, готовыми поклониться первому встречному как своему идолу! Колумб махнул спутникам рукой, и не обращая внимания на продолжавших свой поклон аборигенов, указал им дорогу в деревню.

Золота и в самом деле было много, даже очень. Везде попадались то солнечно блестящие сосуды для воды, то такая же драгоценная кухонная утварь, то какие-то безделушки. Колумб видел, как у матросов, еще несколько дней назад смиренно молившихся о даровании им жизни, в глазах загорались маленькие пожары. Наверное, ребята сейчас вспомнили о том что все они – бывлые разбойники, и за одно мгновение перевоплотились в них. Много ли надо человеку сил и времени, чтоб изменить себя до основания?

Моряки вопросительно смотрели на своего предводителя. Они ожидали от него взмаха руки или какого-нибудь еще знака согласия. Мысль о разбое, за который их никогда и никто не накажет (разумеется – на Земле, все их мысли о Небе растворились при первом взгляде на дорогой металл), превратила их во что-то похожее на ртутные капли.

Обозленный Небесной волей, Колумб дал отмашку. На мгновение раздался хохот, и тут же несколько десятков вооруженных европейцев вонзили свои руки в беззащитную деревушку. Треск, огонь, дым, крики и вопли, лужи крови. Ладно золото, его аборигены не ценили, и отдали бы сразу и все, тем более тем, кого они приняли за богов. Но больше, чем алчность, иноземцами завладела похоть. Чего еще ожидать от мужиков, которые бесчисленное число дней не видели вокруг себя ничего, кроме тошнотворно раскачивающихся корабельных стенок?! Визжащие и барахтающиеся «дикарки» тут же пошли по рукам, а их мужей, отцов и братьев ждало острое испанское железо...

Сам Колумб стоял в стороне и молча созерцал происходящее. Дикари страдали безвинно, но никто не шел к ним на защиту. Значит, не встретить Бога в этом крае. Теперь Христофор убедился в этом навсегда.

Расправа над ни в чем не повинной деревушкой вскоре завершилась, и европейские «боги» возвращались на свои корабли, сгибаясь под тяжестью своей добычи. У туземцев они вдобавок нашли что-то, вкусом похожее на вино, разумеется – напились, и тоже прихватили с собой. Когда они ступят на частицы своей родины, испанские палубные доски – веселье продолжится. Надо будет делить добычу с теми, кто остался на борту, ведь частью того, что досталось их ходившим на берег собратьям, они и так уже обделены. Будет драка, будет поножовщина, без этого – никак. Может, капитаны с помощниками и станут их разнимать, запирают в трюм самых бойких, а, может, будут только наблюдать. Это их дело. Сам он, Христофор Колумб, вернувшись на корабль снова запрется в своей каюте, станет обдумывать свою жизнь и тихонечко тосковать...

Через десяток лет Европа потонула в золотой реке, хлынувшей по морю из земель, которые обозвали Новым Светом. Навстречу блестящему металлу отправились испанские искатели приключений и английские кальвинисты-пуритане. Из пришлых на тех землях родилось сразу две цивилизации – американо-англосаксонская и латиноамериканская. Люди первой, искавшие свое Предопределение, наконец нашли его, завладев огромными богатствами новых земель. С россыпи индивидуумов райское предназначение потихоньку перешло на весь новый народ, растворив в его мыслях представления о добре и зле. Всего через пару веков этот народ вопьется в глотку всего мира и будет очень долго держать ее, меняя по своему усмотрению бытие всех народов.

Вторая цивилизация сделалась сонной, ищущей саму себя и не находящей. Короткие ее пробуждения порождали на свет таких личностей, как Фидель Кастро или Эрнесто Че Гевара. Но, оглянувшись по сторонам, потомки испанских искателей приключений и индейцев снова погружались в свой сон. Быть может, это сон затянувшегося младенчества, и очень скоро он прервется вместе с взрослением?! Трудно сказать, что явят тогда на свет Божий те земли...

* * *

Массовое Богоискательство – неотъемлемая черта христианского мира. Ведь только христианин жаждет увидеть Бога в человеческом облике, и Бога не карающего и осуждающего, но – спасающего и прощающего, любящего. Богоискательство и стало движущей силой европейской истории, а не «отношения производственных средств и производственных отношений», о которых говорил ныне почти забытый Маркс. Он сам, впрочем, тоже запустил один Богоискательский проект, но только уже в другой земле...

Ни одно из Богоискательств не привело к Богу, зато каждое из них обязательно породило тень. Такими тенями стали и возникновение протестантства, и приход порожденного им капитализма, и рождение двух американских цивилизаций, одна из которых после сжала мертвой хваткой весь мир.

Тени накладывались друг на друга. Протестантство на капитализм, они вместе – на Американский континент, породив либерализм. К нашему дню теней спрессовалось так много, что они закрыли небеса, и прекратили само Богоискательство. Теперь Запад говорит, что он просто живет, хотя жизнь без движения означает уже саму смерть. Лапы и зубы государства США держат под собой трепещущую плоть мира, но они уже почти мертвы, надо только набраться сил, чтоб сбросить с себя коченеющие челюсти и когти. Правда, придется еще побороться с трупным ядом, который через укус мертвых зубов попал-таки под нашу кожу...

Но был на Земле еще один путь Богоискательства, как жива на белом свете другая христианская цивилизация. Эта цивилизация – наша, Православная, и у нас тоже есть свой Богоискательский путь. Он шел по простору наших лесных и степных земель, объял Сибирь, и коснулся даже той самой Америки. Когда на Земле искать стало негде, Русский путь устремился в Небеса, в блестящее звездами пространство. Одновременно поиск шел и в недрах человеческого общества, идея достижения на Земле высшей справедливости красной нитью проходит сквозь русскую историю. Ибо путь в Небеса, как мы знаем, открыт только лишь для Избранных. Но Избранными по русской мысли должны сделаться все...

Наше Богоискательство никогда не было множеством бросков в разные стороны, когда мысли о подъеме в гору приводят к провалу в яму. Оно всегда было одной дорогой, цель которой растворяется в синеве небес, но на каждом шагу она ощутима. В отличие от западного, русское Богоискательство не породило теней, оно никогда не упиралось в свой тупик, не уперлось оно в него и по сей день. Ему только лишь заградили дорогу зловещие западные тени, которые сегодня упали на наш путь. Но тень – сущность неопасная и невесомая, страшна она только лишь для того, кто верит (и жаждет верить) в ее твердость и непролазность.

Взглянем же на основные западные учения и рассмотрим их на предмет «ядовитости» для русской жизни.

Концепция о душегубах

Перед глазами проплывают черно-белые портреты благообразных людей прошлого. По их лицам видно, что все они – кабинетные писаки, их лиц редко когда касались солнце или ветер. Они не совершали подвигов, и рассказ о каждом из них был бы совсем не интересен. «Там учился, там и сям жил, и писал-писал-писал», только и можно сказать об этих личностях. Что до их злодеяний, то можно предположить, что едва ли кто из них совершил своими руками большее, чем убийство мухи, ненароком заползшей на исписанный лист.

Но... Все они были душегубами. Именно в прямом смысле этого слова. Они никого не лишали жизни, но они жадно истребляли души, и не отдельных людей, а целых народов. Истребили они и душу моего, русского народа. Поэтому о некоторых из них следует поговорить подробнее (всех их просто не охватить в одной работе). И я выбрал из них четырех.

* * *

В клубах тумана купается знаменитый Биг Бен. Его яростный грохот против тумана слабее даже взмаха ладошки. Туман остается неподвижен, он подобно шапке накрывает наземную суету, пряча ее от невидимых небесных глаз... Многие из суестьихся внизу людшек рады белесой шапке. Небесные глаза, если они есть, никогда не разглядят их движений в это время, а потому можно быстренько сделать что-то, что показывать небесам и не следует. Обхитрить кого-нибудь, например. Не на много, но самих туманных деньков тут много, потому, глядишь, так когда-нибудь и разбогатеешь...

В одном из домиков, затянутых в туманный плащ, на кровати лежал старый еврей с всклокоченной бородой. Он не делал никаких дел, ибо он умирал, и это составляло его единственное, но нескончаемо великое дело. Все свободное место комнаты занимали мелко исписанные по-немецки и по-английски бумажные листочки – плоды трудов старого еврея. Три чернявые девушки суетились вокруг умирающего, беспощадно отбрасывая в сторону листики, а то и подавляя их ногами. Сейчас им было не до них, важнее были жаждущие воды губы умирающего. Но уже завтра они бережно соберут все помятые листочки, сложат их, и будут думать о том, как дать им свинцово-печатную жизнь. Ведь больше их отец не напишет и буквы, свою самую последнюю точку он уже поставил. И точки этой не найти, так перемешались бумаги, и не виден уже последний лист. Может, вот это – он. Скомканный, что под кроватью лежит?! Или не он?..

Дочки любили отца, который целыми днями не выходил из своего кабинета, скрипя за дверью пером и шелестя бумагами. Когда они входили, то он не глядя обнимал их левой рукой и гладил по голове. Рука же правая оставалась на своем боевом посту, среди дебрей рукописи. И лишь теперь он весь перед ними, и правая рука впервые оставила положенное ей место, и покорно легла рядом с левой...

Завтра его похоронят. А бумажные крылья сочинений понесутся над всей Землей, ведь на них начертано самое последнее, самое верное и окончательное учение. Все в мире познано, он сделался стеклянно-прозрачным, и потому можно разглядеть и самое потаенное, что есть в нем. Его совершенство, которого люди, сами того не ведая, ожидали с самого дня своего рождения. А когда разглядел, можно смело заставить мир дозреть, обратиться в спелый плод окончательного своего состояния. В этом – Последний завет, который дарован людям от последнего пророка. Ибо имя старого еврея – Карл Маркс. Тот самый, памятники которому бронзовыми пробками и сейчас высятся во многих местах нашей земли.

При взгляде на предметы мира мы, прежде всего, видим противоречия, которыми кишат их внешние, наиболее доступные познанию «слои». Чтобы проникнуть в глубину

познаваемого предмета, необходимо эти противоречия преодолеть и дойти до уровня познания, на котором они растворяются в своем единстве. Для этого и были открыты законы диалектики, которые со времен Аристотеля и до Гегеля воспринимались исключительно, как законы работы ищущего истину разума, идущего от «оболочек» предмета к его «сердцевине».

Маркс совершил переворот в диалектике, по его выражению – «поставив ее с головы на ноги». Законы диалектики он утвердил, как законы бытия самих вещей, которые лишь усваиваются разумом. Против такого понимания диалектики возражал русский философ Николай Бердяев. По его словам, «в природе нет непрерывного столкновения частиц вещества друг с другом».

Так внешний, полный противоречий наружный слой понимания вещей переместился у Маркса в его внутреннюю основу. От познания Маркс требовал лишь хорошо видеть противоречия, наполняющие предметы, глубже которых, как будто, уже ничего нет и быть не может. Но все противоречия разворачиваются во времени, потому наблюдая за враждой его частей, можно предположить будущее состояние предмета и объяснить его прошлые. Эта способность метода давать правдоподобные прогнозы и привлекла к нему множество интеллектуалов.

Любимым объектом исследований для Маркса, конечно, было человеческое общество. Оно легко доступно наблюдению, его прошлое гораздо очевиднее, чем былое скал и морей. Мыслитель быстро обнаружил в нем уровень, в наибольшей степени богатый противоречиями, и принял его за основной. С его помощью можно понимать историю и строить догадки о будущем. Этот уровень марксистского познания общества – соответствует области материального производства, в которой происходит нескончаемая борьба труда и капитала, производственных средств и производственных отношений.

Развитие истории в «правильном» (т. е. соответствующем марксистским прогнозам) направлении, безусловно, не отказывается от помощи тех, кто осознал эту правильность. На помощь истории неслись лихие тачанки, поливая округу свистящим дождем, обрушивались железные клювы лихих сабель. Отряды атеистов с обезьяньей ловкостью взбирались на купола соборов и лишали их крестов...

Все, что можно познавать, очертили труды Карла Маркса. Шаги за границу этого философского квадрата означали падение в бездонную яму, ибо там не могло быть ничего, кроме пустоты...

Пустота сходна с темными водами. В царств темных скользнула туша так называемого «философского парохода», на котором по решению большевистского правительства из России был выслан цвет русской философии. Ведь русская мысль всегда была подобна острию, она направлялась в глубину вещей, а не поглаживала их поверхности, гадая по форме шероховатостей об их будущем. Теперь на русское неудержимое Богоискательства налагалась печать марксизма, запечатывающее сердцевину предметов, проникать в которую не следует, ибо ее, вроде как, и нет...

Пароход отваливал от причала Васильевского острова. Бородатые люди на его палубе бросали печальные взгляды в сторону берега, который делался все дальше и дальше. Отпечатки их следов стирались с родной земли вместе с их мыслями.

Тягостный пароходный гудок пронесся над тяжелой осенней водой. Возвышавшийся над причалом гипсовый Карл Маркс одобрительно кивнул головой, провожая тех, кто своими исканиями наносил ему большую обиду. На самом деле голова была неважно приделана, сказывались отсутствие средств у молодой советской республики и нереальная масштабность «плана монументальной пропаганды».

Но это ничего. Через десяток лет на месте почти развалившегося гипсового Маркса появился добротный бронзовый Карл Маркс. Голова его уже не болталась, и сам он походил

на увесистую бронзовую пробку. Пробка прочно запирала Русь от понимания ее смысла. Советская Россия не поняла даже совершенного ею космического рывка, истинный смысл которого до сегодняшнего дня остался в тайне. Мышление на уровне производственных отношений надежно подготовило русских к наступлению цифровой эпохи, в которую все предметы, да и сам человек обратились в сгустки единиц, именуемых деньгами.

Прошло чуть более полувека, и бронзовый Маркс рухнул на землю, распался на свои составные части, потеряв руки, ноги и голову. Теперь он сам сделался товаром, провалившись в мир производственных отношений, который в свое время он столь скрупулезно изучал. Прогнозы сбылись, но совсем не так, как сбывались они в еще живой, а не бронзово-монументальной голове Маркса.

Сейчас часто слышатся слова о правоте Маркса в том или ином вопросе. Что же, это – истина, но все его успехи перевешивает огромная каменная неправота, стоившая русскому народу его будущего. Неправота в нахождении смысла предметов.

* * *

Английский пароходик отчаливал от пристани. Он был как будто капелькой морской мощи Великобритании, и потому его глаза-иллюминаторы гордо смотрели на оставляемый берег. На палубе, как всегда в часы отплытия, сновало множество морского люда. Их сторонился щегольски одетый молодой человек, по виду – городской франт, непонятно каким ветром занесенный в мир угольной пыли, скрежещущих машин и механизмов. Как бы не запачкать ему здесь свой дорогой костюм!

По этой причине он и не лез туда, где было грязно, больше времени проводя в своей удобной каюте. И мало кто из матросов, посмеивавшихся над городским бездельником, который от сухопутной скуки решил поискать скуку морскую, знал, что их пароходик влывет в мировую историю именно благодаря нему, белоручке и городскому франту.

Горожанин пристальным взглядом всматривался в джунгли и саванны, озирали побережья, что-то собирал в мешочек и тащил на корабль. Его любимым предметом были челюсти разных зверей, и вскоре в его каюту стало страшно входить. Со всех сторон на вошедшего скалилось множество клыков. Ему само собой чудилось, будто его хотят порвать на кусочки и сжевать, обрызгав тесную каюту липкой кровью. Хоть все зубы вместе с челюстями и были мертвыми, но все равно было страшновато. Даже сам капитан заходил в каюту чудака с некоторой опаской, хоть и был насквозь просоленным морским волком.

Снова на родную сушу он ступил уже с объемистой кипой бумаг, старательно исписанных пером. «Происхождение видов», красовалось на самом первом листе название этого длинного труда. Уже через несколько дней каракули разбирались терпеливыми наборщиками типографии и выкладывались ими уже ровненькими свинцовыми буквами.

О чем же говорилось в труде этого франта с фамилией Дарвин? В ней говорилось о сути природы. Она изображалась вроде челюстей, которыми была полна его каюта, и которые теперь перекечевали к нему домой. Множество челюстей много тысячелетий грызли слабых, малоприспособленных к жизни, оставляя самых живучих. В этом и была работа природы, продукцией которой стала вся современная живность, от червячка до человека включительно. Под страхом челюстей отбора, видимых или не видимых, трепетало все живое, и, спасаясь, вынуждено было непрерывно совершенствоваться и усложняться, породив в конце концов и человека. Эта мысль разнеслась в разные стороны, громоздкие машины типографий того времени не успевали глотать бумагу и выплевывать новые и новые листы, на которых утверждалась одна и та же «истина». Многим она нравилась, как нравится все, что сливается с убеждениями, впитанными с самого детства, из рассказов пуританских отцов и матерей. Они вещали о том, что богатство есть знак предопределения к вечному блажен-

ству, теперь оказалось, что оно еще является признаком биологического совершенства, что по сути было одним и тем же. Общество становилось сходным с дикой природой, в которой господствует отбор. Как приятно осознавать то, что твой мир устроен естественным образом, по образу и подобию природы, если ты стоишь на его вершине!

И никто не задумывался о том, что в дальних краях их любимец Дарвин был чужаком, и взирал на природу тех краев взглядом пришельца, выхватывающим лишь то, что он желает увидеть. Отыскав в живом мире дальних островов следы борьбы живых существ за выживание, и прихватив для своей коллекции еще какие-нибудь челюсти, Дарвин устремлялся к пароходу, который уже разводил пары. Вглядываться в сложнейшую жизнь растительного и животного миров, у него не находилось времени. Жажда движения к новым землям всегда брала верх, и Дарвин снова взирал с палубы на волны в ожидании появления нового берега, где он опять отыщет что-нибудь подходящее для подтверждения своих размышлений. И, конечно, добавит в свою коллекцию еще какие-нибудь челюсти.

На родной земле он видел лишь каменные фасады домов да пробивающуюся кое-где чахлую травку, разглядывать которую ему было некогда. Да и чего там разглядывать, травка как травка! В ней не найдешь костяных или окаменевших челюстей для своей коллекции...

Живя вдали от лесов и полей, Дарвин не видел того, что видит всякий лесничий или агроном – невероятной сложности жизни, множества взаимодействий живых существ, среди которых кроме вражды есть и дружба, и взаимопомощь, иногда доходящая и до самопожертвования, и просто жизнь по соседству. Этими бесчисленными, часто сокрытыми от человеческих глаз взаимосвязями и сильна природа, и их разрыв превращается в трагедию для всех живых существ. Негде развернуться здесь челюстям отбора, чтобы ненароком не уничтожить всю жизнь на выбранном кусочке пространства, а заодно и самих себя. Если отбор и торжествует где-то победу, то ее результатом чаще всего оказываются безжизненные пустыни, из которых исчезли все формы жизни кроме самых примитивных, вроде инфузорий или амёб.

* * *

Отделенный от прежнего мира континент, подобный отрубленной голове, начинал жить своей жизнью. Жизнь эта не произрастала, подобно дереву, из глубины каменистого прошлого, из жизней далеких предков. Она конструировалась, подобно механизму, который досужие умы уже всюду сравнивали с часами. Потому инженер, с большой головой, размер которой подчеркнут аккуратным цилиндром, сделался главным героем спектакля под названием «новое сотворение мира».

Инженер Фредерик Тейлор вооружился карандашом, и делал первые наброски на бумажном листе. Работа его увлекала, и скоро перед ним высились уже кипа листочков, белизна которых была истерзана карандашом. Изобретатель делал сейчас кое-что новенькое, он не просто соединял вместе шестерни, зубчатые колеса и валы, но он впихивал между ними и людей.

Соединение вместе железных деталей – давно знакомая инженерам, привычная работа. Но вот как соединить железо и человека – не сказано ни в одной инженерной книге, и Тейлор был первым. Он прекрасно понимал, как обработать, подточить где надо податливые железяки, но как подточить неподатливых людей?! Ясно, что их непокорность мгновенно ломает машину, и потому люди, которых он обозначал на листах бумаги, должны быть не такими, как он, создатель проекта. Из них должна быть вырвана их суть, их связь с образом и подобием Божьим, которая сокрыта не во внешнем облике, но в стремлении к созданию. У Фредерика отчаянно билось сердце, ведь ему предстояло вступить в соперничество с самим

Создателем, используя созданных по его образу и подобию всего лишь, как рабочий материал...

Фредерик выглянул в окошко своего кабинета. Обдавая улицу бензиновыми чихами, по булыжной мостовой катились первые автомобильчики. «Машина создана для человека. А я хочу переделать самого человека для машины. Получится что-то непонятное – человек для машины, машина – для человека... Нет, все понятно! Существуют разные люди, люди – А и люди – В. Первые предопределены, чтоб им служили машины со встроенными в них людьми – В. Вторые же предопределены, чтоб самим становиться частями машин. Чтобы быть материалом, для творчества людей – А. Что же, быть может, это даже и не хуже, чем предопределение к нищете при жизни и адскому пеклу после смерти»...

Мысль понравилась, и довольный Фредерик отворил окошко, впусив в кабинет струйку свежего воздуха. Ветерок повалил изумительной красоты картинку, на которой было нарисовано очень древнее и огромное здание, которого сейчас нет нигде в мире. В верхнем углу картинку дополняло сплетение трех предметов, видимо, применявшихся при сооружении этого строения – циркуля, молотка и линейки.

В очень давние времена каждый, кто прикасался к ремеслу, должен был со временем сделаться мастером. Каждое мгновение общения с материалом было для ученика еще одним шагом в небеса, а само ученичество было овладением ремесленными тайнами и приближением к полноте знаний. Так было и на той огромной стройке древнего мира, наполненной мастерами, подмастерьями и учениками. Все они принадлежали к ныне почти забытому народу – финикийцам, которые взялись воплотить в камень мечту легендарного иудейского царя Соломона, возвести храм во славу его Бога. За всем движением людей, драгоценных кедровых досок, разносортных камней и выкованных из металла узоров наблюдало строгое око великого мастера Адонирама. В то время, пока каждый из работников делал лишь какую-нибудь частичку работы, мысли Адонирама сотворили уже весь Храм, увидеть который пока не мог даже его заказчик, несмотря на его легендарную мудрость.

Один из подмастерьев был при нем – он наносил на бумагу то, что говорил ему великий мастер. Каждое мгновение он пытался предугадать следующую мысль мастера, которая отоляется в распоряжение ему. Но это не выходило, и размышления мастера оставались для него тайной. Другой подмастерье по распоряжению мастера с циркулем в руках перемещался по огромной площадке в те ее уголки, куда указывал взгляд Адонирама, и делал там веленные замеры. Третий же подмастерье находился в числе сотен других, которые укладывали тяжеленные белые камни и аккуратно подгоняли их один к другому ударами молотков. Каждый из них был как будто мыслью Адонирама, но даже объединившись втроем, они не могли понять замысла. Чувствовалась какая-то тайна, которая была спрятана в самом Адонираме, и которую он никогда не раскроет. Вот строительство уже подходит к завершению, но никто из подмастерьев и учеников так и не узнал, как строить такие вот храмы. Кто-то полагал, что Храм должен быть единственным, потому знание о его постройке навсегда скроется в глубинах мыслей создателя, Адонирама.

Но трех подмастерьев охватила жажда познать всю полноту знаний о постройке, и они жадно всматривались в великого мастера, ожидая, что он хотя бы нечаянной гримасой выронит хоть крупицу того, что ведает он, но не ведают они. Но тщетно, лицо Адонирама оставалось по-прежнему каменным, как материал, из которого шла постройка. Лишь глаза его жадно взирали на почти возведенное сооружение. И подмастерья чувствовали, что вот-вот Храм будет готов, и они покинут эти земли, так и не познав главного, для чего сюда и прибыли из далеких земель.

Вот уже работы близятся к завершению, и три раздосадованные души не находят себе места. И один из подмастерьев вцепляется в свой угольник, второй – в циркуль, а третий – в молоточек – клевец. Вот Адонирам отправляется в очередной обход постройки, чтоб лично

убедиться, что известковый раствор застыл и нерушимо сцепил квадратные камни. Он прикасается к новым стенам, которые суть его окаменевшие мысли, и не чувствует трех приближающихся к нему теней. Они тоже были его мыслями, вернее – их покорными носителями. И вот три металлических предмета обрушиваются на голову, таившую в себе нераскрытые тайны. Удар угольником, удар циркулем и удар молотком. Бездыханное тело Адонирама сползает по сотворенной его мыслями стене. Подмастерья спешно закапывают остывающего мертвеца в каменистую землю, из которой он восстанет, когда в Конце времен к нему прикоснется ветка акации...

Тейлор любил эту легенду. Несколько раз она являлась ему даже во сне, где он был то подмастерьем, то Адонирамом, и получалось, будто он убивал самого себя. Легенду много раз повторяли в ложе, в которую он входил с самых ранних своих сознательных лет (в нее его привел отец). И сейчас Фредерик по-настоящему ощутил себя Адонирамом, до которого уже дотронулась веточка акации, и который более не собирается падать под тяжестью угольника, циркуля и молотка. Теперь он перекроит былых подмастерьев в теплокровные части механизма.

Тейлор рассмотрел набросок своей удивительной машины, которую сам тут же назвал конвейером. Это слово пока еще ничего не значило, просто – передатчик, и все. Но уже через несколько лет для множества людей слово «конвейер» делается символом проклятья и несчастной доли...

«Все очень просто. Надо любое дело разбить на простейший набор операций, и поручить каждую из них людям, обученным лишь ее выполнению. Один из них, например, будет сверлить отверстия, другой – ввинчивать болты. Единственным их объединителем, по существу – истинным творцом вещей делается машина, конвейер!», делал он доклад через месяц после того дня, когда черновые наброски оформились в аккуратные чертежи и машинописные страницы с текстом. Особенно много внимания в них уделялось производительности труда в пересчете на одного работника. Например, таковая у рабочего – сверлителя дырок в производстве колес оказывалась в 100 раз большей, чем у мастера, творящего целое колесо. Эта новость вызвала настоящие рукоплескания собравшейся на конференцию элиты «людей – А». Ведь теперь увеличится и производительность их заводов, вырастут их доходы, которые суть – пропуск в небесное царство...

Тысячи конвейеров принялись выплевывать масс-продукцию, одинаковую и бездушную, быстро ломающуюся, проклятую теми, чьи руки прикасались к ней, чтоб сверлить дырки, вкручивать болты и гайки и т. д. Эти проклятия застывают между волокон ткани, среди молекул металла и волокон древесины, отбирая у вещей прежнюю способность творить добро...

* * *

Доктор Фрейд держал на своем письменном столе маленький электрический фонарик. Техническая новинка, интересная штука и просто дань моде. Согласитесь, человек такого уровня, как знаменитый доктор Фрейд мог позволить себе что-то такое, этакое. Доктор просто обожал зажигать свою игрушку, когда в кабинет заползал ночной мрак. Тогда он водил световым пятнышком из угла в угол, высвечивая шероховатости стенки. Вдруг пятнышко света застывало, выхватив из темноты маленький столик, где лежал болт, на который была навинчена гайка. Эти изделия предназначались вовсе не для слесарного дела, ведь выполнены они были из драгоценной платины. Просто их блеск необычайно веселил доктора Фрейда, напоминая ему о том вечере, когда он породил идею, сделавшую его известным на весь мир.

Тогда все было почти так же – темная комната, только вместо фонарика на столе пылала свеча. И пятно ее трепетного света выхватило из мрака гайку и болт. Самые простые, не платиновые, очевидно потерянные мастерами, установившими карниз для занавесок. Тут же в сознании еще тогда молодого доктора что-то сработало, и ему представилось, что комната – это потемки человеческой души, а болт и гайка – сокровенный их смысл, ускользающий от дневного, заполненного светом взгляда, для которого они – просто брошенные, даже, можно сказать, мусорные предметы. Они отлично видны именно в таком вот вечернем, пятнистом свете, когда вокруг царит таинственный мрак.

Фрейд не пришлось много фантазировать, чтоб сопоставить болт и гайку с соответствующими мужскими и женскими органами. Но вот чтобы свести к гайке, навинченной на болт, все многообразие человеческих мыслей, потрудиться пришлось изрядно. Иногда требовались сложные многоступенчатые рассуждения, подобные лестнице, но ведущей не наверх, а все к тем же болту и гайке, главным железным символам полового акта.

Разумеется, сам изобретатель болта и гайки, тоже мыслил о половом акте. Только его мысли были сокрыты в его подсознании и невидны для него самого. Но доктор Фрейд отыскал их главный смысл при помощи настоящего фонарика в темной комнате. И сам Фрейд сделался фонариком, и принялся отыскивать эти болты и гайки во всем, что его окружало, даже в неживых предметах, а о людях уже и говорить нечего.

О каждом человеке доктор ведал как будто больше, чем тот знал сам о себе, и это заставлял Фрейда буквально колыхаться под натиском волн гордости за самого себя. Впрочем, в этих волнах он тоже находил символ полового акта, уж очень они были похожи на чувство оргазма. Тяжело жить в мире, который ты считаешь познанным во все его стороны, в котором все тайны кажутся просто бутафорскими театральными замками, ибо они уже наперед давным-давно открыты. Это обратило последние годы жизни профессора в тяжкую скуку, глядя на которую даже Генриху Гиммлеру расхотелось его уничтожить, хотя тот и числился в списке смертельных врагов Национал-социализма. Нет, убивать мыслителя, и так пронзившего себя ядовитой стрелой своей же мысли, уже ни к чему. Пускай играет со своим фонариком и темной комнатой, только за океаном, поражая своей тоской обитающий там и без того тоскливый, враждебный народ...

* * *

Каждый предмет – суть символ, познать истинное значение которого можно, только прорываясь сквозь внешние слои его смыслов. Несомненно, что сокрытый в глубине каждого предмета истинный смысл связывает его бытие с центром бытия, он и означает душу предмета.

Учения, захватывающие внешние слои смыслов всегда оказываются неполноценны в своей недостаточности. Их идеи всегда ограничены. Но ужасно, если их создатели наделены значительной гордыней, заставляющей их утверждать об абсолютности своего познания предмета. В таком случае их учение закрывает путь познания истинного смысла, лишает предмет его души.

Как же нам определить тот смысловой уровень, на котором раскрывается душа предмета? Это очень просто, ибо центр бытия связан со всеми уголками бытия сотворенного через Любовь, и только она может быть сердцевинной всех смыслов. Учения, отказывающиеся от познания истинного смысла предметов, Любовь отрицают.

Марксизм отрекся от любви к своей земле и своему народу, дарвинизм упразднил любовь к земным тварям, тейлоризм закрыл любовь творца к создаваемому им творению, фрейдизм напал на любовь мужчины и женщины. Идеальный современный человек, несомненно, продукт всех этих и еще многих других учений. Выходит, множеству мыслителей

пришлось поломать себе голову, чтоб в конечном итоге сотворить человекоподобный сгусток денег, вернее – отстраненных цифр, которым это существо, по сути, и является. Дальнейшее его познание по большому счету – бессмысленно, на очереди решение вопроса о лишении человеческого существа остатков «лишнего», что в нем еще осталось и окончательном переходе к цифровой форме существования.

Незападные народы, включая и наш, приняли отраву этих учений лишь за то, что она была завернута в заморскую упаковку «прогрессивных» идей. Потому мы выпили ее не глядя, как всегда потребляли все «не наше». А потом впитывание яда в прежде здоровый организм Руси и привело к дню сегодняшнему. Русский человек под действием отравы проклял Любовь, но после этого он все равно не смог переродиться в идеал современности, в цифровой сгусток. И потому он проклял самого себя, и теперь упорно шагает по пути, который ведет его к гибели, стяжает на себя все новые и новые страдания. Как будто он теперь специально ищет на свою голову самую несправедную власть, на тело – боль и суровую нищету, на душу – пьянящее зелье.

Единственным условием спасения русского народа будет вырывание ядовитых жал чужих идей, цепко вонзенных в его плоть. Надеюсь, что этот мой труд станет первым шагом к нашему очищению.

Но что искал Запад, кроме денежных цифр, как же ему удалось породить то, что называется техникой, и есть ли сущностные различия между русской и западной техникой?!

Перпетуум мобиле

Человеческое тело такое нежное. Кожа – тонка, легко рвется, обнажая красное исподнее. Косточки – хрупки, легко трещат и разламываются. Разделать человека на части – несложно, механические усилия требуются минимальные.

Все это так очевидно, когда наблюдаешь за восстанием машин. Для их стальных лап человеческое тело не прочнее, чем простая вода. Все усилия человеческих мускулов – не более, чем беспомощное дрожание беззащитной медузы. Правда есть еще этот, как его... Разум. Но тут не поможет и он, ибо на проверку оказался делом не таким уж и хитрым, и человек на свою беду сумел наделить им и свои творения. Бессмысленная и беспощадная железная армия ползет по Земле, обращая своих творцов в кровавые лепешки...

Конечно, в кино обязательно отыщется умник, естественный интеллект которого превзойдет искусственный разум машин, и «победа будет за нами». Но она, увы, ничего не решит. Ведь и после победы в этой войне люди не смогут обходиться без машин, а, значит, те обязательно восстанут снова. Что же, вновь понадобится умник, которого может и не оказаться...

А как хорошо все когда-то начиналось! Скрупулезный мастер-умелец собирал в своей мастерской винтики и шестеренки, мастерил какую-то штуку, понятную лишь ему и ученикам. У него получалось что-то интересное, движущееся как будто само по себе. В ком-то самодвижущиеся колесики (или огромные колесища) порождали страх, в ком-то восхищение. Кто-то шараялся от мастера, шепча «колдун», кто-то окидывал его взглядом, пропитанным уважением.

В каждом уголке Европы с XVI века обязательно имелась механическая мастерская, где что-то мастерили. Иногда из мастерской показывалось что-то дельное, тут же с радостью подхватываемое людьми для своих повседневных надобностей. Например – кремневое ружье или часы. Но часто труд мастера оставался тайной для его соседей. А если какой-нибудь смельчак и отваживался заглянуть к нему в мастерскую, то не видел в ней ничего, кроме каких-то малопонятных железных деталей.

Потеряв Иерусалим, не добившись успеха в Крестовых походах, Европа принялась искать иные пути к Богу. Одну, небольшую ее часть, стараниями мрачного старика Кальвина охватил дух богатства, то есть – дух цифры. Количество богатства стало означать избранность к Спасению, и эта идея рванулась во все стороны, постепенно добравшись до Американского континента, откуда в настоящее время стремится навязаться всему миру.

Некоторые мыслители видят в этой, родившейся от закрытых ворот Иерусалима цивилизации источник прогресса, который и сотворил нынешний мир. Но я позволю себе с таким мнением не согласиться. Мог ли человек кальвинистской этики, то есть – цифровой человек творить что-либо кроме цифр, которые для него были символом самого Всевышнего? А ведь прогресс – это цепочка технических изобретений, внедрению которых, быть может, и способствует цифровое мышление. Но не созданию. Нет, кроме Европы кальвинистской была и другая Европа, частично католическая, частично – лютеранская. Эта Европа избрала иной путь искания Центра мироздания – через понимание Его законов и их воплощение в рукотворных устройствах.

Над чем же трудились многочисленные механики, не вылезавшие из своих мастерских, но и не выносившие из них ничего, пригодного для повседневной жизни? Они силились слить все законы Мироздания в один волшебный предмет, который означал бы сам Центр миров. Ибо являл бы в мир вечное движение.

Слезящийся глаз астронома, прижатый к оптической трубе, сквозь которую проходит свет дальних звезд. Мудрец устал, он то и дело трет свой воспаленный глаз, но не в силах

оторваться от ночного труда. Когда отрываться?! Скоро придет слепящий рассвет, а на будущую ноченьку небо может затянуть облаками. А, может, будет туман, или на город нападут враги, затянув округу хлопьями порохового дыма. Мало ли что может быть! Может, и не будет другой ночи, старенького мудреца сломит, например, тяжкий недуг.

Мудрец отрывается от зрительной трубы, берется за перо, и размашистыми буквами пишет еще одну строчку на хрустящем листе пергамента. Еще один небесный закон, который он перенес на Землю. Рано или поздно мысли мудреца разлетятся по норам мастерских, и переложатся под руками многочисленных мастеров в новое сложение деталей, через которое они опять-таки будут отыскивать вечное движение. Тайны жизни звезд переводились в тайны зубчатых колесиков, которые так похожи на звезды!

Вечный двигатель не получался. Может, небесные законы ускользали от глаз астрономов, прятались в невидимых ледяных облаках и в космической пучине? Или ни к кому из работающих умельцев не сходила небесная благодать, а одной ловкости ума и рук для такого дела, конечно же, ничтожно мало.

Но небесные законы, попадая в сознание мудрецов, порождали все новые и новые мысли. Много нового излил свету полноватый француз Рене Декарт, описывавший законами механики и Небеса и человека. В его умозрительных построениях душа означала тот же самый вечный двигатель, который приводит в движение тело.

Если законы механики лежат в основе самого сокровенного, то их можно смело проецировать на все без исключения стороны жизни. Например, на общество, которое будет идеальным, если будет в точности соответствовать этим законам.

Прекрасный город Солнца, на стенах которого начертаны формулы, отражающие законы механики. Его жители не видят ничего кроме них, и потому преданы им до самозабвения, четко и последовательно выполняя предписанные им задачи. Город-машина, работающий на саму себя – вот европейский образ тщательно рассчитанного, и потому истинного счастья.

Но для его создания необходимо полное знание всех механических законов, а оно никак не давалось алчущему сознанию европейцев. Ведь не выходил из-под рук мастеров желанный перпетум мобиле, который означал бы божественную печать, положенную на всю историю Европы. Значит, и город-Солнце, если и будет построен, то окажется все равно не вечен, ведь не удастся сплавить в него все законы мироздания. И слабый, недоделанный город, неизбежно даст трещину.

Зато из-под рук мастеров выходило множество других вещей, несомненно, полезных для разных людей. Часы и ружья, пушки, водяные и паровые машины.

Каждый из этих предметов, воплощавший в себе часть механических законов, но не их полноту, был, по большому счету, свидетельством неудачи создателя. Еще один путь привел в тупик, еще одна цепочка мыслей оборвалась, выставив в конце не желанный вечный двигатель, а всего-навсего дымный паровик. Потому интерес создателя к своему творению зачастую таял, едва оно оказывалось за дверями мастерской.

Зато «отходами» поиска перпетум мобиле живо интересовались цивилизационные «соседи», искавшие Бога не в символах, но в цифрах. Горе мастеров, неудавшиеся вечные двигатели, тут же получали от них клеймо товара, после чего им открывалась широкая дорога для удовлетворения людских потребностей и добычи желанных денежных единиц. Так и рождался миф о том, что техника создается лишь для удовлетворения насущных потребностей человека, для достижения им сытой и комфортной жизни. Разумеется, такие слова не могли принадлежать родным отцам технических новшеств, скорее они принадлежат злым торговцам, торгующим чужими детьми.

Сами же мастера, позабыв о своих детищах, брались за дальнейшую работу, снова складывая детали в поиске вечного движения. Впереди многих из них ждала смерть в печаль-

ной нищете. Но их потомки, памятуя о горькой родительской доле, постепенно проникались чужой мыслью о том, что всякий плод их сознания – всего лишь товар, и отворачивались от заветного перпетум мобиле. Отсюда – измельчание современных изобретателей, бесконечно совершенствующих одно и то же изобретение, доставшееся им в наследство от прежних времен. Как бы то ни было, но в механике человеку так и не довелось придумать что-нибудь более сложное, чем механические часы и паровоз...

Сделавшись «служанкой человечества», техника заняла в жизни западного человека то место, которое в иных краях и в иные времена занимали люди четвертого сословия. То есть место раба, шудры. Нет ничего унижительнее, чем посвящение своей жизни обслуживанию чужих, часто низменных и, как правило, бесполезных потребностей. Тем более что замечено, что человеческие потребности по мере их удовлетворения не снижаются, а только лишь растут. Этот закон, кстати, и не дает возникнуть городу-Солнцу, в котором, по определению, удовлетворены все потребности его обитателей. Появление все более изощренных потребностей призывает к рождению уже не просто технику, но технику сознательную. Сознание же техники, сконструированное по образу и подобию человеческого, неизбежно приведет ее к восстанию.

Впрочем, и без фантастического восстания машин современное западное понимание техники способно привести цивилизацию, ее породившую, к краху. Ибо непрерывно растущее царство машин со все возрастающей скоростью исчерпывает из земного тела не возобновляемые им ресурсы, наполняя пространство людского обитания многочисленными отходами своей жизнедеятельности. Наверное, такой прозаический финал настанет раньше, чем человек умудрится вложить искру своего сознания в железную машинную плоть.

Потому надо задуматься о другом пути развития техники, вернее – об ином понимании машины и ее места в человеческой жизни.

Русский человек попал к европейским механикам как ученик. Дело ученика – внимательно слушать, не задавая лишних вопросов. А учитель может многое рассказать о секретах своего ремесла, но при этом упустить самое главное – его причину. Она кажется сама собой разумеющейся, она сокрыта скорее не на страницах ученых книг, но в душе мастера. Потому и не узнал о ней один помор, шокировавший европейских учителей своей невероятной силой и могучей фигурой, а земляков – гладко выбритым лицом и напудренным париком. Звали помора Михаил Васильевич Ломоносов. Он и принес на Русь знание механики.

Так и отправилась русская механика своим путем. Конечно, русским механикам был ведом перпетум мобиле, но принимался он ими не как заветная цель, но как средство. Средство, которое даст долгое движение в пространстве, сквозь которое суждено добираться к заветной цели, к самому центру Бытия. Для русских перпетум мобиле не сделался самоцелью, вечным движением на месте.

Там, где Ока неспешно вливает свои воды в царственную Волгу, стояла неприметная бревенчатая избушка. Из нее доносился размеренный лязг железа, что говорило о кропотливом труде, свершаемом сейчас в ее недрах. Из-под рук мастера Кулибина выходил вечный двигатель. Установленный на крылатом аппарате, он должен был поднять его в небеса. Эта работа была сплавом смысла его жизни, из которой вышли и часы, дивившие самого Государя, и фейерверки, потешавшие столичных особ, и первый прожектор, который сослужит службу для русских войск. Соорудил он и макет большого однопролетного моста, построить который так и не довелось – движимый своим озарением Иван Петрович бросил престижную службу в Академии Наук, чтоб теперь запереться в этой своей мастерской.

Но работа оказалась длиннее жизни, и в день похорон удивительного русского механика аппарат, предназначенный для вечного полета, остался недоделанным. И доделать это творение было уже некому, ни один умудренный жизнью человек в округе не смог даже сообразить, на что оно пригодно. Потому мужики, наводившие уборку в опустевшей избушке,

недолго думая, утопили непонятную штуку в Волге. Музеев в русской глубинке в ту пору не было.

Но путь русской механики продолжился. Хоть и не родилось на Руси вечного двигателя, но в одном из русских провинциальных городков родилась на свет металлическая стрела, летящая сквозь небо. Позже, выросшая, она вырвалась в самый космос, где живет вечное движение, к сокрытому Центру миров. Потому что душа русского народа – движение в поиске Бога, и он сам по себе есть вечный двигатель...

Как видим, русская и западная техника – суть разные явления. Ибо разными путями шло познание законов природы в двух соседних цивилизациях. Предположим же ход мыслей ученых, приведших к гениальным открытиям нашей науки.

Концепция русской мысли

Домашняя лаборатория наполняла квартиру химическими ароматами, иногда даже приятными, но чаще – едкими и весьма гадкими. Про их вредность для организма ничего сказать было нельзя – хоть наука химия уже и появилась на свет, но польза ее плодов для человеческого тела была неясна. Хотя, сказать по совести, сам отец семейства часто мучился угрызениями совести, что травит своих домочадцев. Но сделать ничего не мог, химия была такой же частью его самого, как лаборатория – частью дома, и ничего исключить было нельзя.

Пройдет много лет, и химические лаборатории окажутся сокрытыми в унылых стенах различных НИИ, куда химики будут приходить на работу к 9 часам и уходить в 17. Защита от различных вредностей в них, конечно, будет предусмотрена куда лучше, чем в домашней лаборатории. Только... Больше не будет уже таких химиков, как были прежде...

Лаборатория для «нехимического» человека была настоящим клубком тайн. Хозяин лаборатории поддерживал в гостях такое представление о своем мире. «Европейские алхимики гнались за славой, потому так и не нашли философского камня. Они продали его за земную славу. Но мы, русские алхимики, за славой никогда не гонялись, потому философский камень ляжет кому-нибудь из нас в руки!» – любил говорить он.

Что-то булькало, переливалось, испарялось, кристаллизовалось или только меняло цвет. Пылали спиртовки, ученики толкли и перетирали в ступках какие-то порошки. В добровольных помощниках недостатка не было. По всему Университету шла молва, что только у Бутлерова можно научиться химическому искусству так, как не снилось студентам хвальной Сорбонны с ее седыми алхимическими школами. Работа шла день и ночь, и даже когда учитель уходил, кто-нибудь из учеников продолжал трудиться в лаборатории.

Вещества вступали в реакции, образуя десятки новых веществ, которые еще предстояло подробно изучить и описать. Но как происходило их взаимодействие, как складывалась таинственная внутренняя их структура, оставалась тайной.

У Бутлерова было много бумаг, на которых там и сям виднелись жирные отпечатки пальцев разных европейских ученых. Они объехали всю Европу, побывали во множестве лабораторий, стены многих из которых еще хранили в себе частицы копоти от очагов алхимиков. Каждый из ученых дописывал что-то свое, быть может, приближаясь к истине, но так ее и не отыскав. Теперь они попали на самый край пространства, обозначенного географами Европой. Дальше им было ехать некуда. Конечно, и в Индии и в Китае и в Японии есть много ученых людей, но вряд ли они разберут каракули европейских слов и понятных лишь европейцам формул. Здесь же, в России, есть человек, который поймет всю премудрость дальних стран. Но обмыслит ее он иначе, ибо его мысль не выползает из узких клеточек европейских земель, но летит над степным простором.

Европейцы жгли все, происхождение чего было связано с чем-то живым, растущим и бегающим. Жгли нефть, жгли уголь, жгли высушенные растения, жгли сухое мясо, жгли очищенные вещества. А выделившееся из пламени печей тщательно собирали и изучали. И выходило, что все живое состоит всего-навсего из нескольких волшебных элементов – углерода, водорода, кислорода и азота. Всего остального оказывалось ничтожно мало. Больше всего было углерода и водорода, это можно было легко определить по образовавшемуся углекислому газу и водяным парам. Значит, в этих простых элементах есть что-то загадочное, превращающее их в частицы даже живой плоти. В кирпичики, из которых складывается дом, который заселяется душой...

Подсчитав количество углекислого газа и воды, можно было составить формулу. И формулы выходили жуткими, с невероятным количеством цифр – $C_{12}H_{26}$, $C_{32}H_{64}O_2$. Никаких знаний о внутреннем устройстве, определяющим будущее поведение веществ, их

дружбу и вражду, любовь и ненависть к другим веществам и элементам, эти нагромождения символов и цифр не давали. Еще были подсчеты энергии, которая получалась при сжигании, и это тоже были цифры, вернее – цифровые горы. Наука погрязла в цифрах, как телега в осенней степной дороге, когда новый каждый оборот колеса собирает на него еще больше чернозема, и намертво приковывает его к земле...

Имена ученых были сплошь громкими, авторитетными. Они грозно выглядели из заглавий ученых статей, будто говорили «если у меня ничего не вышло, то не выйдет уже ни у кого, и на этом – точка!» Глядя на имена, можно было представить этих серьезных людей, в одиночестве, когда никто их не видит, досадливо рвущими свои волосы, дергающими себя за усы и бороды, болезненно бьющими кулаками о равнодушные стены. Каждый из них стяжал на себя сколько-то славы, перед ними почтительно кланялись студенты университетов, особенно – германских. Но они осознавали, что слава их не велика, ибо главного дела они так и не свершили, потому вся известность, окружающая их имена, смывается едкой струей времени сразу же после их смерти. Или чуть-чуть позже...

Но что раздумывать про них? Плоды их трудов уже оказались в далеком городе Казань, где лес обнимает степь, а степь – лес. И шуршавшие бумаги перебирали руки русского профессора, о котором в Европе не все и знали. Но никакая старательность, никакая скрупулезность в изучении чужих трудов все одно не могли дать ответа на главный из вопросов. Ибо его в них и не было. Здесь требовалось что-то другое, пришедшее из иного мира...

«Углерод как-то связывает вокруг себя другие атомы углерода, водород, а также кислород, азот, иногда – серу, но как?!» – раздумывал Александр Михайлович вслед за заморскими учеными.

Европейская наука, подобно корове, щипала траву фактов, накапливая их все больше и больше. 100 опытов, 1000, 10000. По мнению одного английского умника с гастрономической фамилией Бекон, они должны были сложиться в гипотезы, а те, в свою очередь – в стройную, красивую, большую теорию. Его последователи развивали эту мысль, прибавляя к ней законы древнегреческой логики и Аристотелевой диалектики. Но ничего не выходило, и новые формулы, имевшие уже умопомрачительные цифры, никак не приближали науку к искомому, всеохватывающему. Потому вскоре начались разговоры о кризисе органической химии, и все меньше немецких и французских (а тем более – английских) отцов советовали сыновьям связывать с ней свою жизнь.

Александр Михайлович пил чай в своем кабинете и смотрел на широкую волжскую степь, которая была прекрасно видна в его широченное окошко – он специально купил домик на самой окраине Казани. Его работой был синтез новых веществ, а в этих краях в далеком прошлом произошел великий синтез двух начал, давших рождение новой Руси. Те начала были хорошо известны – степное, стремящееся к поиску на просторах земной глади и лесное, рвущееся своим поиском в высоту, к Небесам. Сложившись, эти два пути образовали крест, который, наверное – главный символ Земли русской...

Чуть в стороне от дома стояла церковь, и ее кресты блестели в лучах заходящего Солнца. «Христа распяли на кресте... И душа каждого человека связана с Господом... В короткое время земной жизни душа несет свое тело все равно, что крест!» – неожиданно подумал профессор.

Вместе с последним отблеском заходившего солнца его голову... Нет, не голову, скорее – сердце, пронзила великолепная догадка. Где-то в самой основе жизни тоже должен быть крошечный крестик, вернее – она должна из таких крестиков состоять! Он – ее сердцевина, которая окружена множеством свойств, как самая маленькая матрешечка окружена матрешками большими (профессор очень любил эту интересную русскую игрушку).

Бутлеров протянул руку в стол и извлек свои бумаги. Взялся за перо. Принялся выводить колонки цифр, которые были теперь не господами, как у ученых мужей из закатных

стран, но слугами. Ведь Александр Михайлович знал, что ищет. Он искал присутствие Бога в органической материи. То есть той материи, которая могла сделаться домиком для души.

Приборов, позволяющих видеть химические связи, в те давние годы быть не могло. Работа шла вслепую, через одни только расчеты, которые косвенно подтверждались опытами. Никогда еще так не бурлило, кипело, клокотало в лаборатории Бутлерова, как в те дни, и множество запахов, приятных и не очень, густым клубком окутывало его дом. Кого-то из прохожих это пугало, и он сторонился странного дома. Кого-то наоборот – привлекало, и он спешил к дому Бутлерова, чтобы вдохнуть в себя, «как пахнет ученость». Может, кто-то даже надеялся и сам поумнеть после этого...

Открытие Александра Михайловича потрясло весь мир. Его теория говорила, что каждый атом углерода имеет четыре связи, которыми он берет либо атомы водорода, либо другие углеродные атомы со своими связями, либо отдает две связи кислороду. Так же может присоединять и кислород, и серу, и еще многие-многие элементы, но связей этих всегда будет четыре, ибо углеродный атом – все равно, что крошечный, невидимый глазами крестик.

Теория породила настоящий взрыв органической химии. Каждый день стали синтезировать сотни, а позднее – и тысячи новых веществ. Теперь ведь был найден заветный ключик к направленному, осмысленному их синтезу. Писались все новые и новые труды о том, как направлять реакции в нужную сторону, как проще и быстрее выходить на синтез тех или иных веществ, оставляя минимум ненужных побочных продуктов. За дело взялись инженеры, они принялись проектировать все более сложные промышленные установки, позволяющие производить новые вещества тоннами, десятками, сотнями, тысячами тонн. Засуетились и торговцы – у них появилась отличная возможность торговать тем, чем до них еще никто не торговал, и осваивать новые, пока еще бездонные рынки, открывавшиеся то тут, то там.

Вскоре, размахивая как дирижерской палочкой, денежными потоками, торговцы стали управлять химиками, хоть сами не имели о химии и малейшего представления, для них каждое новое вещество было лишь свежим товаром, с которого требовалось как можно быстрее снимать маржу. Деньги застывали и в новых химических заводах, наполнявших рынки потоками товара, когда тот делался привычным, и прибыль требовалось брать уже с помощью эффекта больших масс производства.

Началась война, и в один из ее дней солдаты одной из противоборствующих сторон проснулись от небывалой тишины. Ни гула артиллерийской канонады, ни привычного свиста пулеметных пуль, ни лязга винтовочных затворов. Неужели войне наступил конец? Неужели мир? Надо выйти из блиндажей и окопов, осмотреться... Не верится что-то... И все-таки так хочется мира! Чтоб завтра быть дома. Обнять и расцеловать родных, смыть с себя фронтовых блох и вшей, одеться в легкую одежду и заснуть в любимой теплой комнате...

В воздухе запахло чем-то непонятным. Ученым. Горло сдавило, перед глазами завертелись круги, у кого-то изо рта хлынула кровь. Неужели и это тоже – война?

Бежать, спасаться! Но куда? Накаты блиндажей против неожиданной напасти – бесильны. А смерть уже повсюду, уже там и сям лежат остывающие тела, на коже которых нет ни единой царапины...

Химических атак было немного. Но с тех пор и в без того нелегкую солдатскую амуницию входит до боли знакомый всем предмет – противогаз. Как правило – самая бесполезная из всех вещей, предназначенных для войны. Ее смысл состоит только в пресечении у противника самих мыслей про возможность химической атаки...

Едкий дым, извергаемый из множества труб химических производств, фонтаны ядовитых жидкостей, стекающие в реки. Зловещие пятна высохших на корню лесов, мерзкие выброшенные полиэтиленовые пакеты, подобно медузам прилипающие к рукам и ногам.

Ядовитый дымок свалок, больше чем на три четверти набитых использованной пластмассой, у которой ничтожен срок полезного применения, но зато вечен срок жизни, для которой не страшны ни вода, ни лед, ни разлагающие бактерии. Именно продукты химического производства сделали потребление по-настоящему массовым, и такими же массовыми сделали они и потоки отходов. Материал, порожденный ими из-за легкости потери своих форм, сделался бесполезен для обработки руками мастеров, но зато стал идеален для поточных линий с набором штампов и прессов...

Раздумывал ли о таком мире Александр Михайлович Бутлеров, давший ему основу? Разумеется – нет, ведь он, отыскивая присутствие Бога в недрах органической материи, нашел ее сердцевину, и вывел химическую науку из кризиса, в котором она оказалась по вине западной мысли. И не его вина, что та же западная мысль, подхватив большую теорию, опять разбила ее на множество мелких островков применения, управляла которым уже не наука, но финансовый капитал со своим законом бесконечного роста. Отыскивая все новые и новые источники для роста, он вынужден непрерывно «пришпоривать» и производство, и само потребление. Так западная мысль снова пришла к кризису. Но на этот раз она привела к нему не отдельную науку, но весь мир.

Разумеется, Бутлеров был не единственным ученым, выведившим науку из кризиса. Такими были и математик Н. Лобачевский, и химик Д. Менделеев, и биолог Ю. Долгушин. Последний наименее известен, потому о нем следует сказать подробнее. Он создал теорию, рассматривающую молекулу ДНК, как биологическую антенну, принимающую электромагнитное излучение. Эта теория выводит биологическую науку из тупика, в который ее ввела «цифровая» генетика, рассматривающая организмы как простые носители генетического кода. Таковы плоды русского познания, не «гуляющего» по поверхности вещей, а сразу ныряющего в их сердцевину, которая ни что иное, как символ Божественного присутствия, соединяющий землю с Небесами.

Русские ученые редко находили применение плодам своего поиска на русской земле. Ведь их масштабности могут соответствовать только такие же масштабные проекты, например – космический. Потому русские достижения так часто оказываются на чужих землях, где, подчиняясь законам, порожденным чужими умами, в конце концов, невольно становятся инструментами для создания нового кризиса. Выводить же из этого кризиса весь мир (т. к. западная мысль настаивает на роли «локомотива мирового развития»), несомненно, придется опять-таки русской мысли. По-другому – нельзя. В этом, вероятно, и состоит призвание русского народа, русских умов.

В эпоху Русского Средневековья была одна легенда, очень любимая новгородским митрополитом Геннадием, который был духовником царя Ивана Третьего. Согласно ей русские остаются последним праведным народом, удерживающим мир от апокалипсиса. Обращаясь к вопросам научного познания, мы находим неожиданное подтверждение этой мысли. И видим, что расправляясь с русским народом, Запад и его пособники на русской земле, по сути, совершают даже не преступление, но самоубийство. Ведь кризисы – это закономерный продукт западного мышления, на каждом своем шагу утопающего в цифрах и потому теряющего смысл. Причем само мышление западного человека не способно находить из этих кризисов выход, ибо при каждой подобной попытке оно опять-таки зарывается в цифрах. Потому убивая того, кто мыслит иначе, Запад на самом деле убивает и самого себя...

Чтоб выйти из губительной ситуации современного мира, надо совершить поистине шаг вперед. Прежде всего – шаг идейный, в нашем сознании. Но для начала попробуем перечислить требования к национальной идее, исходящие не столько от разума, сколько от сердца.

Требования к национальной идее

Главная особенность русского народа, несомненно, состоит в том, что его бытие неразрывно связано со служением Идее. Вырвать из нашего народа Идею – все равно, что вырвать из живого человека сердце. Это и случилось в сегодняшнем дне, и беспомощное тело русского народа трепещет в судорогах, отмахиваясь слепыми бессильными руками неизвестно от чего. Новое сердце в русскую грудь вложить еще можно, но как бы оно не оказалось больным, заранее обреченным на скорую гибель! Обретение такой идеи лишь продлит наши трагические предсмертные муки, от которых лучше избавиться как можно быстрее.

Но самое лучшее – это обрести здоровую Идею, перебрасывающую мост из дня сегодняшнего в день завтрашний. Но для этого надо сперва знать хоть что-нибудь о том, что мы мечтаем обрести. Потому следует заранее разработать требования к рождающейся идее, очертить то пустое место русской жизни, которое она должна занять. В своем скромном труде я постарался это сделать, решившись бросить вызов тщательной скрываемой смертельной пустоте русских сердец. Вот те требования к Национальной идее, которые я выделил из самой русской жизни от былых дней нашей земли до дня сегодняшнего:

1. Русская идея должна брать свое начало в истории русского народа, она не может быть взята извне.

Ибо все заимствованные в чужих странах идеи в России быстро обращаются в кровавожадных монстров, враждебных русскому народу и другим народам русского пространства. Насаждение их невозможно без кровопролития, а неизменный результат их установления – разрыв народа на несвязанные группы людей, фактически враждующие между собой. Пример – реформы Петра Первого, приведшие к длительной гражданской войне между «принявшими» и «непринявшими», вылившейся в восстания Хованского, Булавина, позже – Пугачева. Последствия той войны привели к известным событиям начала XX века, о которых мы и по сей день.

Другую идею Запада – коммунизм, долго и безуспешно пытались приспособить к русской жизни. Но старания не увенчались успехом, противоречие этой пусть и гетеродоксальной, но все же – западной идеологии в конце концов вскрылись и похоронили ее вместе с Советской Империей, оставив Русь идейно обнаженной под ледяным ветром надвинувшегося постмодерна.

Насаждения идей Востока в русских землях не было, но результат его, скорее всего, был бы тем же самым. Самое благое намерение чужих народов на русской земле моментально превращается в камень от ворот ада, ибо Русь – особый мир, что ощутимо даже на уровне физических чувств (таких, как чувство холода и чувство усталости от сурово дальних дорог нашей земли).

2. Русская идея должна стремиться к соединению потустороннего с поюсторонним, быть большим, нежели просто организация земной жизни.

Идея, сосредоточенная на реализации лишь поюстороннего обречена на свое быстрое исчерпание. Пример тому – советский коммунизм, взявший за основу плотскую жизнь человека и отсекавший ее от всего духовного, потустороннего. Методичное стремление к удовлетворению плотских потребностей привело к краху, ибо потребности эти не имеют предела, но в процессе их удовлетворения возможна лишь деградация человека. Человек, порожденный этой идеей уже не способен к каким-либо достижениям, да и вообще к выживанию в суровых русских землях. Максимальное время жизни подобных проектов – одно поколение, что и было показано на примере бытия государства-идеи по имени СССР. Советская идея ушла безвозвратно, исчерпав потенциал своего развития и не оставив

почти ничего, что бы могло пригодиться в будущем. Интерес к улучшению своей земной жизни в русском человеке, безусловно, есть, но он всегда – лишь кратковременный, успевает выветриться после одного-другого шага в этом направлении.

3. Русская идея должна охватывать все стороны человеческой жизни.

Существует много проектов создания чисто духовной русской идеологии, игнорирующей технику, либо даже отрицающих ее. Такой, к примеру, была и есть идеология русских старообрядцев. Многие праворадикальные идеологии и сейчас игнорируют развитие техники, опасаясь ее. Но отрицание этой составляющей жизни придает соответствующим учениям лишь ущербность, ибо не законсервировать, не упразднить техносферу они не могут. Даже если бы и удалось очистить Россию от всех машин и механизмов, они бы все равно бы ворвались со стороны наших протяженных границ. К сожалению, не все это понимают. Потому идеология должна включать в себя вопрос техники, как вполне закономерный, и предусматривать ее развитие, но исходя опять-таки из русской традиции. Все-таки техника, в конечном счете – тоже мир человеческих символов, как и культура, результат закономерного подражания человека Тому, по Образу и Подобию кого он создан, а, значит – закономерная часть Традиции! Мир техники – это модель Бытия, и мир русской техники, соответственно – модель русского Бытия, не сводимая к моделям иных народов. Русская техника имеет свои причины возникновения, свой смысл, свои цели и задачи, свое направление дальнейшего развития. И ее причины ни в коем случае не могут быть сведены лишь к простейшей схеме «вызов Запада – наш ответ». Все-таки заметим, что и в Средние Века Русь имела технику соответствующую тому времени – ветряные и водяные мельницы, водоподъемные устройства, простые сельскохозяйственные механизмы.

Разумеется, были и противоположные примеры, например – советский социализм, особенно – образца 1960–1989 годов, в котором все Бытие было, наоборот, подчинено технике, которая развивалась по пресловутой парадигме «вызов-ответ», игнорируя изначальные особенности русской техносферы. Результат, как я уже говорил ранее, оказался не лучшим, то есть – плачевным, что мы и видим сегодня.

4. Русская идея должна быть направлена в будущее.

Казалось бы, очевидно, что смысл новой идеологии может быть лишь в организации жизни будущей Руси. Но создатели учений часто игнорируют, что будущее не может быть меньше, чем настоящее. И потому их проекты прямо-таки кишат всякими «не». По их мнению, одного упразднение всего негативного, что имеется в дне сегодняшнем, уже будет достаточно для вхождения в завтрашний день. При этом авторы совсем не задумываются над той простой вещью, которую Александр Зиновьев выразил простой формулой «Все наши минусы суть продолжение наших плюсов».

Потому русская идеология должна отвечать на вопрос, каким образом в дне завтрашнем негатив дня сегодняшнего будет переработан в нечто созидательное, полезное для русского общества.

Итак, мы очертили основные требования к тому, чего как будто, еще нет – к четко сформулированной идее Руси завтрашнего дня. Мы обозначили пространство, которое ныне – как будто пустое, просто прежде его пустота пряталась от нас за обилием пустых речей и плясками электронных шутов. Что же, сделаем шаг к его заполнению, пусть множество идей, исходящих от талантливых русских мыслителей сплетутся вместе, и образуют философский камень Идеи Новой Руси. Моя мысль уже брошена в безыдейную пустоту, и она уже дала ей некую первую наполненность.

Итак, перейдем к самой Идее, сделаем первый шаг.

Шаг вперед

К окончанию шестнадцатого века Русь выглянула в степь и увидела бескрайнее поле, из-за края которого на рассвете появляется солнце, и за краем которого оно исчезает. Увидевшему степь человеку могло показаться, что если долго мчаться по степи, то зеленая дорога суши перейдет в синюю дорогу небес, и всадник поднимется к небу. Для русичей степь не была тем, чем она являлась коренным ее народам – привычным родным домом. Но не сделалась она и враждебным пространством несмотря даже на то, что в те времена кишмя кишела множеством злых кочевых народов. Большое пространство сделалось для русичей еще одним путем Богоискательства.

На степных просторах русичи породили особый народ – казаков, отличающийся от тех, кто остался жить в лесах севера своим стремлением к краю земли. И, поколение за поколением, от одной крепости-острога к другому, теряя людей от болезней и битв со злыми племенами, порождая новых людей от женитьб на женщинах этих племен, казаки-русичи шли вперед. Несмотря на то, что Иван Московитин добрел-таки до края, его последователи продолжали искать дорогу в Небеса, отправляясь в земли, лежащие к северу от его пути.

Позже пространства, открытые казаками, были более-менее освоены, стали поставлять большое количество меха и золота. А позже, когда таежные дебри огласились гудками паровозов, из них пошли также древесина, железо, медь и еще много-много всего ценного, полезного. Осевшие казаки сделались сердцевинной, основой населения этих земель. Присоединение Сибири изменило всю русскую жизнь, ведь ее обширные земли контролировались уже не романовским крепостным, но традиционным общинным правом. На этих землях крестьяне избавлялись от опостылевшей барщины, ревнители древнего благочестия – от гонений, в них почти не проникали романовские культурные эксперименты по превращению Руси в эрзац-Европу. Можно сказать, что в сибирские земли переместилась самобытная, доромановская Русь.

Но главная цель тяжкого пути достигнута не была. Потомки казаков взирали на небо с той же беспомощностью, как и жители лесных краев русского центра, какими были и их далекие-предалекие предки. И русским людям остались поиски иного пути Богоискательства.

В те же годы, когда нога Ивана Московитина оросилась водами Тихого Океана в другой части мира, в его закатной стороне, скрипело перо. Перо принадлежало Томасу Кампанелле, а творимый им труд носил красивое название «Город Солнца». В этом труде автор проектировал законченное общество абсолютного счастья. Его расчеты были поразительно точны, Кампанелла старательно высчитывал расстояния между постройками, форму самих построек, скрупулезно рассчитывал обязательный распорядок дня обитателей этого выдуманного мира. Творимый «проект общества счастья» учитывал множество тонкостей и нюансов. Достаточно было его реализовать – и несчастных как будто бы не осталось. Для того, чтобы создать страну счастья вроде бы достаточно перечислить все несчастья, которые существуют в современном мире, а потом, тщательно напрягая логическое (левое) полушарие мозга придумать, как от них избавиться. И это все!

Позднее Запад породил еще великое множество утопистов, превзошедших Кампанеллу в деле умозрительного наделения людей счастьем. В конце концов Западному миру, отплывшему еще дальше в сторону заката, посчастливилось найти и подходящую землю для строительства своего Города Солнца. Но... Современные США и Канада, да и страны Латинской Америки никак не походят на свершение вожденной мечты. Слишком уж быстротечно, молниеносно ощущение земного счастья, чтобы опираясь на него можно было соорудить какое-нибудь общество. Да и сам миг счастья нельзя «законсервировать», продлить его более

чем оно возможно. В погоне за «растягиванием» мгновения своего счастья люди рано или поздно начинают творить несчастья для окружающих или для самих себя (как например – химическое «счастье» наркомании).

После долгих поисков Русь, наконец, набрела на новое пространство поиска Господа. Вернее, русские умы смогли соединить в себе две прежде враждебные вещи – технику и Небо.

Когда-то в Средних Веках техника несла свой исходный смысл – она показывала связь человека с Творцом через его способность в уменьшенном виде воспроизводить целостное Бытие. Каждое техническое изобретение тех времен обязательно имело скрытый смысл и символизировало какое-либо проявление Воли Божьей. Ветряные и водяные мельницы, часы, акведуки – вот технические достижения тех времен.

Но с распространением в Европе протестантства кальвинистского толка техника оторвалась от своей изначальной роли и из цели превратилась в средство. Теперь она служила уже исключительно умножению материальных богатств, по количеству которых владельцы первых машин и механизмов оценивали посмертный путь своей души. Сами же машины уже не несли никакого символического значения, их значение стало измеряться исключительно количеством монет, которое они стоили, и которое они могли принести.

Одним из путей умножения богатств, а, значит, нахождения своего предопределения для западных протестантов стала война с целью извлечения дополнительных прибылей из завоеванных стран. И новым путем, по которому шагнула техника, сделалось оружие. Страны, не желавшие становиться средством нахождения чужого предопределения, вынуждены были заимствовать у своих вероятных врагов технику, изначально лишённую даже того количественного значения, которое она имела для протестантов. Именно в таком виде и получила Русь тело машинной цивилизации – в отчужденном от русской культуры и русской жизни, обездушенном, воинственно-оружейном.

Русская душа постепенно наполняла холодную технику своим смыслом. Возникали ремесленные школы (например – знаменитые тульские оружейники), создавались и уникальные технические новшества, зачастую предвосхищавшие свое время (в России были созданы множество артиллерийских орудий, не имевших аналогов в мире, первая подводная лодка, первый трактор и т. д.). Но общий смысл техники был русскому человеку непонятен, и ясность в нем смогло принести только XX столетие.

В XX веке развитие техники дошло до того, что сделало возможным полет в сторону святая святых – Небес.

Стремление к небесам неотделимо от русского народа. Изобретатели рукотворных крыльев были едва ли не в каждой русской деревне. Перекрестившись, они пытались воспарить на своих крыльях с самого высокого места своей деревушки, чаще всего – с колокольни. Молящий взор в далекое небо, взмах хлипких крыльев, частое биение сердца, сливающаяся с Иисусовой молитвой, режущий нутро поток холодного воздуха... Чаще всего мертвое тело вместе с поломанными крыльями падало к основанию колокольни. Но никому неизвестно, что дальше случалось со всем остальным, что не есть тело и лишено его тяжести. Среди множества мистических русских сект была даже община летунов, в которой полет с высоты был смыслом всей жизни, и следовал он после длительного духовного очищения. Сказывают, что кое-кто из летунов все-таки воспарил ввысь вместе с тяжким телом, которое, оказавшись под самым небом, чудесно утратило свою низвергающую тяжесть...

На самолете Александра Федоровича Можайского русское Богоискательство и русская техника наконец встретились. У русского народа появилось новое пространство, в которое он сделал шаг так же, как когда-то древние русичи впервые шагнули в бескрайнее поле. Дальнейший путь мог вести только ввысь. В Калуге творил странный мыслитель Циолков-

ский, изобретавший невозвратные космические корабли, на которых человек должен был вознестись в Небеса вместе со своим телом.

Тогда же возникло учение, вошедшее в историю как русский Космизм, созданное Николаем Федоровым. Несмотря на свое название, оно было не совсем русским, ибо в его основе лежала не идея Богоискательства, а идея ницшеанского сверхчеловека, покоряющего мертвый космос и расширяющего самого себя до размеров Вселенной путем ее постепенного заселения. Так западная мысль причудливо скрестилась с русской, породив это своеобразное учения «Богоискательства без Бога». Впрочем, эта идея была известна только лишь узкому кругу интеллектуалов, хотя ее влияние на жизнь Советского Союза времен И. Сталина, безусловно, прослеживается. Наверное, это отклонение русской мысли было бы преодолено, если бы соперниками на идейном поле Руси были бы только русское Богоискательство и русский Космизм Николая Федорова. Но у всего «космического» направления русской мысли был могущественный соперник, конечно, в очередной раз – «импортный».

Что же в то время говорили страны Запада? В одной из них пришел на сумеречный закатный свет очередной мыслитель – Карл Маркс, мыслящий все о том же, о грядущем обществе полного счастья. В отличие от своих предшественников, он уже не пытался измерять шагами будущую «страну счастья», да и вообще он не стремился к ее живописному описанию. Вместо этого он предпочел сосредоточиться на доказательствах, что эта сторона появится-таки на белом свете. Самое счастье он, как и его предшественники, определял сугубо количественно – как сумму удовлетворенных потребностей, о которых можно было помыслить в то еще весьма скромное время. Так же количественно он рассматривал труд, и мог приблизительно рассчитать условия, при которых он сотворит-таки чаемый «Город Солнца». Все, что не вписывалось в категории количества, например – мысли и чаяния жителей самого «Счастливого Града», если он когда-нибудь все же будет построен, мыслитель беспощадно отсекал...

Это учение взгромоздилось на русскую землю, закрыло собой русское небо, заставляя видеть во всех больших проектах (в том числе космических) лишь один смысл – утилитарный. Крупнейший в истории проект освоения космоса проходил всего лишь как одно из народнохозяйственных и оборонных направлений, и никогда не объявлялся основной задачей русского народа. Хотя успехи, надо сказать, были достигнуты немалые, и космическое направление фактически сделалось основным в научно-технической и хозяйственной жизни страны. У всех русских людей космос вызывал симпатию, ибо связывался с добродушно-мужественным лицом героя с древнеславянским именем Юрий. Его голову венчал космический шлем, сильно напоминающий шлемы русских витязей. А еще были ракеты, похожие на русские колокольни и мигающая возле Полярной Звезды новая звездочка – первый искусственным спутником Земли.

Одним словом, все шло как надо, и требовалось лишь изменить идеологию общества, отбросив идею построения чего-то окончательного, законченного, да еще и в численно измеренный период. Новое пространство Богоискательства было широко раскрыто, и надо было идти в него, повторяя путь казаков-первопроходцев.

Но сторонники идеи «общества законченного счастья» вмешались и на сей раз. Теперь они уже не мерили шагами «города-солнца», и не рассчитывали вероятности их появления в ближайшем будущем. Они просто объявили уже существующий Запад территорией построенного счастья и предложили перенести его на русскую землю. Иные метафизические, философские и вообще какие-нибудь вопросы их уже не волновали. На вопрос о том, как выглядит чужеземное счастье, они отвечали вопросом же о потребностях собеседника, после чего они с жаром рассказывали о том, как эти потребности удовлетворяются в закатных странах...

Увы, сейчас можно вживую убедиться, что законченного счастья на Земле нет. Ни у нас, ни где-то еще в мире. Исчерпав свою фантазию насчет его построения, построив идеаль-

ный «Город Солнца» по всем расчетам, Запад убедился, что этот город лишен своего смысла – счастья. Но иных рецептов построения счастливых обществ, кроме как последовательного удовлетворения мыслимых потребностей, у Запада нет. Теперь всем сделалось ясно, что человеческие потребности способны расти, они безграничны, и в процессе роста они лишь более и более извращаются, принимают чудовищные формы. Можно, конечно, совершенствовать свой «Сантаун» дальше, вносить новые расчеты, изобретать способы автоматического удовлетворения вообще всех вероятных потребностей, прежде чем они возникнут. Но к чему это, если жизнь уже показала, что удовлетворение даже всей блажи все одно не принесет счастья? Доказательства тому можно найти не только в политике или экономике (вроде кривых Энгеля), но даже в физиологии. Последняя открыла связь счастья с имеющимися в нервных клетках рецепторами, воспринимающими внутренние, синтезированные организмом опиаты. Как и у других рецепторов, их чувствительность резко снижается при чрезмерном количестве действующих на них веществ, т. е. опиатов. Вместе с потерей чувствительности рецепторов, пропадает и счастье. Его, конечно, можно вернуть, если увеличить дозу опиатов, ввести их извне, т. е. употребить наркотик, но чувствительность упадет еще ниже, и счастье снова исчезнет...

К началу XXI века в мире возникла-таки страна, превращенная в своеобразную «лабораторию» счастья, где удовлетворение любых потребностей доведено до предела. Страна эта – Нидерланды. Как и следовало бы ожидать, в этой стране самый высокий уровень самоубийств, депрессий, наркомании и в то же время один из самых низких уровней рождаемости.

Некогда всеми хваленая западная техника теперь утратила всякий смысл, и ныне уже не служит даже протестантскому «гаданию по богатству». Она включена в удовлетворение бесконечно мельчающих потребностей, и ее нынешний символ – не танк, не паровоз, и не космический корабль, а начиненная электроникой морщинистая резиновая женщина-старуха. Единственное, что теперь ожидает человек Запада от своей техники – это пресловутого «бунта машин», который сотрет с лица Земли предавшего ее человека.

На Западе еще жива философия, но ныне она уже не намывает «островов Утопий». Теперь она – сгусток уныния, верхушкой которого стал Мишель Фуко с концепцией «исчезновения человека», который превращается в «подобную сну сумму антропологических знаний». Одним словом, современный Запад – кастрюля, закрытая серой крышкой, из которой нет хода в Небо, и все, что в ней еще осталось будет кипеть в собственном соку до тех пор, пока окончательно не остынет...

Русским повезло меньше всех. Мы влезли все в ту же кастрюлю и накрылись той же самой серой крышкой, но попали лишь на самый ее край. Туда где еще нет кастрюльной глубины, но где крышка уже больно давит всей своей массой. Вместо западного пустого счастья нам досталась лишь свиньячья зависть к нему, а от нее – и друг к другу, к ближнему. Зависть, переходящая в свирепую ненависть, в неистовство, в готовность бить всех подряд. Нас старательно подталкивают пальчиками под крышку этой кастрюли, говоря о том, что иного пути, кроме как смотреть на одуревшие от «счастья» жителей проклятого «Сантауна» у нас по большому счету и нет. Тот, кому принадлежат эти пальцы, несомненно, жесточайший враг русского народа, и пока он существует, о спасении нечего и помышлять!

Но если мы все же глянем за пределы этих цепких кривых пальцев, что же мы увидим? Нам, конечно, откроется множество удивительных народов, не похожих ни на нас, ни на обитателей кастрюли. Это – знаменитый Восток, от Японии до Мавритании, которому призывало следовать такое великое множество русских мыслителей! Только никто ни разу не откликнулся на их призывы, потому бессмысленно бросать их вновь. Всякому ясно, что приманки, предлагаемые Западом, всегда были слаще, чем, например, обретение Дао или хатха-йога. И для русского человека – тоже.

Идти за Востоком бесполезно и потому, что он хоть и принял пришедшую из чужих земель технику, но по сей день не раскрыл ее смысла. Он принимает нагромождение машин ни то в качестве подарка, ни то как трофей, но в любом случае как нечто чужое, что еще предстоит осмыслить. Мы же смысл техники давно поняли, в этом и есть наше преимущество и перед ищущим Востоком и перед одуревшим Западом.

Чтобы найти наш путь, перейдем от языка понятий к языку образов. Вот перед нами обжора, проглатывающий яства, запивающий их вином и обнимающий любовниц. Рядом с ним восседает нищий, который жадными глазами залезает обжоре в рот и жаждет иметь то же, что он, но... Никогда этого не получит. А чуть поодаль восседает погруженный в странствование по мирам йогин. Кем среди них быть русскому? Однозначно, что обжорой он стать во-первых не может (прежде всего не допустит сам обжора), да и никакого смысла в этом нет, ибо сам гедонист не знает, что же он станет делать, когда насытится. Кроме того, что отдохнуть, отрыгнуть и насыщаться вновь, ему ничего не остается. Быть нищим... Увы, такие мы сейчас и есть, потому обсуждать эту личность смысла не имеет.

Сложнее с йогиним, наверное он и в самом деле поднимается по мирам, как по ступенькам... Но, увы, усевшийся рядом с ним русский человек получит лишь затекшие ноги и, возможно, чувство некоторого приобщения к какой-то экзотике, смысл которой он вряд ли когда-нибудь поймет. Не той традиции мы люди, а традиции складываются тысячелетиями. Даже если русский долго и последовательно станет проникаться восточной мудростью, как например Рерих, он все равно придет к чему-то другому, уже не совсем восточному, как и пришел Рерих...

Но есть еще один путь. Путь странника, проходящего и мимо обжоры с любовницами и завидующим нищим, и мимо йогина, и шагающего дальше. Русского человека, как известно, всегда тянуло в дорогу, не случайно любимыми народными персонажами сделались странник, отставной солдат да казак. Потому единственный русский путь – это сам путь, дорога, не строительство счастливой «конечной точки», а дальнейшие хоженные версты, до самых Небес, до самого Бога. Только нет более на Земле нехоженных дорог и тропинок, и путь потому нам один – в Небеса.

К началу XXI века русский ученый Поляков, вслед за казаками вышедшей в степь Руси, вслед за выведшим Русь в Небо Можайским, открыл новый неизведанный простор – 11-мерное пространство, каждая частица которого есть проявление таинственных колебаний сверхструн. Сверхструны, кстати, согласно этой же теории сходятся в одной начальной точке, откуда и идут колебания, сотворяющие все наши миры.

По некоторым расчетам, произведенным русскими астрономами, в космосе имеются места, связывающие все пространство, и позволяющие проходить по нему, не будучи стиснутыми сдавившими наш мир четыремя измерениями. Разумеется, это только лишь начало, это только взгляд на начало длинной-предлинной дороги. Остается лишь гадать, какой станет Русь, едва она только занесет ногу для первого шага, но ясно, что она делается другой, нежели сейчас. Совсем другой.

Русское Богоискательство очередной раз встретилось с русской техникой, и перед нами снова открылся простор, куда больший, чем казачья Сибирь, или видимые синие Небеса. Отчего же мы делаем сейчас то, чего не делали наши предки – жмемся, озираемся по сторонам, не молимся, дрожим, и страшимся сделать шаг вперед?!

Facies hipocratica

Великое смотрится подчас не великим, если смотреть на него со слишком близкого расстояния. И в реанимационной палате Кремлевской больницы ничего не напоминало о величии момента. Опутанное проводами дряхлое тело, писк кардиографа, суетливые доктора, хрустящие лекарственные ампулы.

– *Facies hipocratica*, – сказал один из докторов, заглянув в лицо пациенту. Означает это сочетание слов – лицо умирающего.

– Да, не жилец, – по-простому ответил коллега.

Момент был велик, но будничность обстановки безнадежно размывала все его величие. То, что бывший «жилец» был Генеральным Секретарем ЦК КПСС, маршалом Советского Союза Леонидом Ильичем Брежневым лишь заставляло докторов с большим артистизмом играть спектакль под названием «реанимация». Ни одно из их действий уже не имело смысла. Развалившись в мягком кресле у окошка палаты, дремал академик Чазов – его участия спектакль больше не требовал.

Глаза Леонида Ильича прояснились. Говорят, такое бывает, когда при последней вспышке жизненного пламени за одно мгновение перед глазами пролетают все прожитые годы. Долгие и счастливые, или – недолгие и несчастные. Возможно, по ту сторону прояснившихся, как луна в морозную ночь, глаз что-то и пронеслось со скоростью, неведомой для тех, кто ни разу не умирал. Но уста пациента остались плотно сомкнуты. Да и если бы они и открылись, то все равно едва ли смогли извергнуть из себя что-то более связанное, чем привычные даже для детей советской страны «сиськи-мясиськи».

– На его век хватило, – сказал доктор, который был постарше. Ему посчастливилось быть возле самого главного при эпохальном моменте, но никакого удовольствия от этого он не испытывал.

– А на наш – хватит?! – спросил неизвестно у кого доктор помоложе. Радости от эпохальности момента он тоже не чувствовал.

Вопрос, не требующий ответа, ибо отвечать – некому. Если бы случилось чудо, и Леонид Ильич ожил, он бы тоже не ответил на него.

За дверью палаты, поблескивая рубинами в платиновых серьгах, рыдала Галина Леонидовна. Даром предвидения она, конечно, не обладала, но смогла все-таки почувствовать собственное будущее чем-то вроде черного мешка. Предчувствие не обмануло – грядущие годы загнали ее в палату психбольницы...

Доктор задвинул веки пациенту. Совершил последнее действие, которое от него требовалось. Дальше – дело уже не его профессии.

В Кремлевском Полку начались усиленные занятия шагистикой, в которой и без них преуспевали его бойцы. Но для похоронного марша требовалось шагать еще лучше. Политбюро ЦК КПСС собирало комиссию по похоронам. Кремлевские могильщики копали у Кремлевской стены яму. Электрики прицепляли к фонарным столбам и проводам флаги с черными лентами. Бледный лоб Генерального Секретаря терял тепло, а заострившееся лицо сохраняло на себе печать великого незнания, которое могло бы сделаться девизом его правления. Как для одной из китайских императорских династий – «Великое Знание».

Коммунизм построен целиком и полностью. Но – не окончательно.

Коммунизм построен целиком и окончательно. Но – не полностью.

Коммунизм построен полностью и окончательно. Но – не целиком...

«Наша цель – коммунизм!» – вещала грязная, обгаженная голубями вывеска на фасаде Магнитогорского Комбината. «Слава советскому народу – строителю коммунизма!» – отве-

чал ей плакат на Киевском Радиозаводе. «Нас к торжеству коммунизма ведет...» – пело госрадио в 6 и в 0 часов.

Черт возьми, коммунизм на дворе, или его там нет? Если нет, то каким он должен быть? Как узнать, когда он все-таки будет, что это – он?! Что там сказано по этому вопросу у Автора?! Ничего?! Совсем ничего?! И он давно мертв, у него не спросить, не уточнить. А людей, сравнимых с ним по уму, похоже, в стране и нет... Тем более, здесь, похоже, нужен человек и поумнее Карла Маркса, а такого нет и подавно. Не может быть, это – по определению...

Посмотрим из годов, скажем так, 20-х. Разумеется, XX века. Тогда – конечно построен! Электрификация, химизация, даже радиофикация – давным-давно сделаны. И кроме них много такого, до чего в 20-е годы и не додуматься было... Что до власти, то кто скажет, что она – не советская, пусть бросит первый камень. Да, знаменитая формула дедушки Ленина «Коммунизм = советская власть плюс электрификация всей страны» и выполнена, и перевыполнена, и пере-перевыполнена...

Философ Александр Зиновьев доказал, что коммунизм – уже есть, и есть он давно. Но... От того не легче. Ведь коммунизм, по мнению Зиновьева, вообще не надо строить, он – был всегда. Он заложен в самую человеческую природу и представляет из себя набор привычек, связанных с жизнью в обществе. Вроде принципа «взять больше, отдать – меньше». Увы, привычки эти в основном – нехорошие, потому с ними обществу всегда приходится бороться разными способами, включая создание идеологий, в том числе – и коммунистической... Все – с ног на голову, сплошной парадокс, и ничего обнадеживающего!

Потому лучше все-таки считать коммунизм недостроенным. Так все недостатки можно назвать – временными, а их, увы, все больше и больше. Как же достраивать этот недостроенный коммунизм?

Достроим его заводами, которые будут выпускать то, чего в стране больше всего не хватает. Автомобили, например, или ширпотреб. Построим автозавод возле священных Жигулевских гор, где по одному из преданий канул на дно град Китеж. Станем делать на нем легковые автомобили, которых народу так не хватает. Разумеется, технологию возьмем за границей, уже проверенную – времени на пробы и ошибки больше нет. Еще один завод, для грузовиков, построим на Каме. И еще – много заводов для всякой бытовой всячины...

Теперь не хватает людей, чтоб на этих заводах работать! Сколько не говори о «едином советском народе», а обращаться со сложной техникой кроме славян все равно никто не умеет! И учиться не хочет... Тришкин кафтан! Можно новые технологии создавать, где людей надо на порядок – меньше, и на старые заводы их устанавливать. Но... Не получается. Уже пор другим причинам, о которых – дальше.

Если посмотреть на Советский Союз тех времен откуда-нибудь издалека или сверху, то видно, что страна уперлась в невидимый, но непролазный тупик. Причем – не только экономической своей частью. В тупик встала и культура, и вообще вся творческая мысль. Никто из руководства страны и ее народа тупика этого не видел, потому не мог и предположить пути выхода. Все его только лишь чувствовали, но это – не помогало.

Говоря языком социологии, в стране наступило Парето-равновесное состояние. Что это такое? В истории весьма часто бывает, что для объяснения какой-то вполне житейской вещи, только поставленной на более высокий уровень, требуется вмешательство авторитетного ученого. Иначе то, что понятно любому едоку за обеденным столом, останется тайной для того, кто думает о будущем всего народа.

На примере Парето-равновесие можно объяснить примерно так. Компания из трех человек купила бутылку водки и банку тушенки. На вторую банку и бутылку денег нет ни у каждого в отдельности, ни у всех троих в складчину. В результате каждый из участников

застолья может съесть и выпить больше других, только лишь объев и обпив своих товарищей.

Точно так же и СССР не мог улучшить жизнь своих людей, за исключением того случая, когда жизнь одних людей улучшится за счет ухудшения жизни других. Энергия общества, не находя себе выхода в созидании, грозила выплеснуться на поддержку сторонников именно этого направления улучшения бытия, которыми были все диссиденты. Никто, конечно, не сомневался, что ему доведется попасть именно в группу «улучшаемых», а, ни в коем случае, не «ухудшаемых». Разумеется, придумать такой вариант будущего могли небольшие умы. Но ничего иного никто не предлагал, а энергия народа вполне может быть потрачена и на всеобщее самоубийство, если больше тратить ее не на что.

В этом и есть главная из опасностей любого общественного застоя. Потому ошибкой Карла Маркса было видеть будущий конец развития общества, когда все противоречия окажутся – решенными, и которое он назвал коммунизмом. Следующий логический шаг вслед за наступлением коммунизма – самоубийство общества и начало истории по новому кругу. К слову, в эту же ошибку впадает и множество современных, более мелких, личностей, принимающих «стабильность» за великое благо.

Но вернемся к основной теме. Где же все-таки мог находиться тот тупик, удар о который расколол самую могучую цивилизацию, и который, несмотря на прошедшие с тех пор долгие годы, никто так и не разглядел?!

Если не видишь главного ни в одной из четырех сторон света – потрудись посмотреть вверх! Так человек поступал всегда, когда не находил ответа ни справа, ни слева, ни спереди, ни сзади. Формы обращения бывали разными – оракулы, пророки, шаманы, волхвы, юродивые, ученые. Но суть их оставалась одной и той же.

Душа русского человека всегда была тесно связана с Небом. А с конца XIX века русские двинулись в Небеса не только душой, но и телом. Первые Небеса дались быстро – к середине XX века воздушные полеты сделались частью жизни. На самолеты уже не глядели, задрав глаза к небу. Частушка со словами: «Как на Киевском вокзале кто-то крикнул «Ероплан!» Все носы к небу задрали, а я свистнул чемодан» в 1950 году уж точно не могла родиться! И пилотом теперь мог быть не только далекий герой плакатов, но и обычный «сосед дядя Вася». Штурм Небес продолжился, и вот уже проложена дорога на Вторые Небеса, в ближний космос.

К 80-м годам XX века и ближний космос сделался вполне обыденным. Космонавты еще не встали в один ряд с пилотами воздушных кораблей, но истинно космические ликования времен Юрия Гагарина уже прошли. В ближнем космосе свершались, конечно, достижения, но уже не эпохальные, а, скорее – технологические. Причем уровень вопросов, которые решали космические опыты, все более и более мельчал. От планетоходов, выходов в открытый космос и создания космических станций к испытаниям отдельных технических устройств и узкоцелевым экспериментам.

Не могло остаться сомнений, что следующее, Третье Небо, небо далеких звезд, закрыто от человека не только при существующих технологиях, но и вообще – при существующем понимании мира. А для достижения следующего уровня миропонимания требуется революция буквально во всех областях науки – и фундаментальной, и прикладной. Также и во всех областях жизни, включая образование, культуру, искусство, само собой – хозяйственную деятельность.

Ведь полет даже к ближайшей из звезд при существующих кислородно-керосиновых ракетных двигателях, несущих человека по привычному трехмерному пространству, занял бы тысячелетия. Не спасли бы и термоядерные двигатели (которые предстояло еще создавать, что тоже было весьма сложно). Полет с их применением вместо тысячелетий требовал

бы, предположим, столетий. Но и они все равно не соизмеримы с коротким человеческим веком!

При взятии Третьих Небес так легко вопрос было уже не решить. Был необходим переход к пониманию многомерного пространства и открытию законов движения уже в нем. А это – революция, многократно превосходящая знаменитую революцию конца XIX – начала XX века, которая породила авиацию и заложила начало ближней космонавтике. Такие изменения не могут затронуть какой-то отдельной выделенной для них области, им обязательно потребуется жизнь во всей ее полноте. Каждое новое достижение будет применяться во многих областях повседневной, земной жизни. Такая обкатка сможет выявить их слабые и сильные стороны, задать новые вопросы и потребовать новых ответов, открывая следующий уровень научного творчества. Сколько таких достижений потребуется сделать и будет сделано? Тысячи? Нет, вероятнее – миллионы, сотни миллионов...

Это требовалось, а что же имелось в наличии?!

Краса и гордость плановой экономики, Госплан, захлебывался в миллионах показателей по различным предприятиям и отраслям. Ему приходилось год от года героически не справляться с планированием производства унитазов и сосисок, макарон и туалетной бумаги. Такое планирование всего и вся имело смысл несколько десятилетий назад, когда была надежда на мобилизацию в случае войны всей централизованной экономики, по варианту выпуска мыловаренными фабриками взрывчатки, а бутылочными заводами – гранат. Но новое поколение войн такой возможности уже не оставляло, воевать все равно пришлось бы тем, что заготовлено в мирное время.

Тем не менее Госплан продолжал нормировать производство колбасы и спичек, и сил для решения вопросов более высокого порядка у него просто не оставалось. Не справлялся и с этими. При том, что все промышленные предприятия могут давать лишь положительные результаты своей работы (ну, в крайнем случае – нулевые). А в науке и научном производстве отрицательный результат, как известно – тоже результат...

Быть может, кремлевским дедам в таком положении планирования и виделся главный столп социализма. Но, скорее, просто не находилось управленческих умов, способных что-то менять. Знаменитая Косыгинская реформа привела лишь к еще большей централизации, окончательно лишив Госплан возможности планировать что-то более сложное, чем поддержание имеющегося технологического уровня. В производство не внедрялось даже то, что было давно создано и доведено до состояния технологии.

Материальное производство сделалось больным местом, и, как всякий очаг болезни, отвлекло на себя силы общества. Искусство теперь тоже крутилось вокруг него, более не создавая фантазий и не преодолевая горизонтов видимого мира. Отвлекая на себя творческие силы общества, оно блокировало его развитие.

Было еще одно обстоятельство, из-за которого «кремлевские старцы» боялись научной революции. Она грозила еще одной бедой – революцией социальной. Так уже случилось в начале XX века. Ведь прорывы в науке – это неизбежный подъем наиболее способных, талантливых людей. Чтоб оставаться над ними начальником, надо не уступать им в своих способностях, в частности – к освоению новых способов управления. Это удалось, в частности, Александру Третьему и Сталину, но такого успеха никто не гарантировал Брежневу и его окружению. Вернее, все говорило как раз о большей вероятности обратного.

Естественно, ни Брежнев, ни иные руководители страны не задумывались о том, что и отсутствие научной революции вовсе не исключает революции социальной. Правда, при этом она будет иметь иной смысл, иную логику и иное направление. Но она будет столь же неизбежна, ибо огромная свободная энергия общества жадно отыскивает себе выход.

Но было и самое главное обстоятельство, не позволявшее Советскому Союзу перейти на новый уровень и приступить к штурму ТРЕТЬЕГО НЕБА. Это обстоятельство – главное.

Всякая жертва требует для себя – цели. Чем больше жертва – тем величественнее должна быть ЦЕЛЬ. Пресловутый коммунизм ею быть уже не мог. В 20-е – мог, но не в 80-е.

Согласно коммунистической доктрине Штурм Небес оставался ни то одной из ее частей, не самой главной, ни то – просто соседом, которому благодаря историческому совпадению довелось оказаться с ней рядом. Допустим, такое соседство было полезным, оно сделало успехи строя наиболее высокими, наиболее заметными, но... Коммунизм все-таки был сам по себе, а космический путь – сам.

Единственной попыткой сделать эту идею самостоятельной, даже главенствующей, было создание Николаем Федоровым учения Русского Космизма, также именованного учением Общего Дела. Идея эта, конечно, в чем-то шла вразрез с русской традицией из-за принятого ее автором материализма, который был так моден в начале XX века. Но основная идея была самая что ни на есть русская – стремление к охвату в своих объятиях всей Вселенной.

Что же, несмотря даже на содержащийся в этом учении материализм, всю советскую историю оно находилось где-то на обочине идеологической жизни. Ну, может, профессора марксизма-ленинизма знали о нем, да и все. К 80-м годам учение было окончательно забыто.

Если же отбросить внесенный Николаем Федоровым материализм (который в 80-х годах уже всех только лишь раздражал) и вернуть Учение к своей первоизданной чистоте...

Стремление к Небесам – закономерное народное продолжение ВЕРЫ. Просто русская вера столь сильна, что ей не уместиться под каменными стенами храмов. Любовь к Богу, столь сильная, чтобы прорвать рамки общественного института, именуемого религией, зовет людей в Небеса. Именно ее сила вырвала людей и в Первое Небо, и во Второе Небо, и теперь зовет – в Третье...

Русский Космизм Федорова по своей сути – та же любовь, но только запутавшаяся в петлях материализма, некогда столь модного. Что отнюдь ничего не изменяет, ведь очистить идею от материи много проще, чем – наоборот, материю от ее идеи. Федоров звал людей объять своим разумом всю мертвую материю Вселенной, заселив ее живыми людьми. Но, когда человек обоймет Вселенную самим собой, конечно – не столько разумом, сколько – духом, ему, быть может, откроется и самое ее Начало...

Штурм Небес, конечно, изменяет и людей. Живущие одной целью, они становятся братьями и сестрами. Для таких людей дрязги распределения-перераспределения делаются слишком мелочными, низкими, чтоб занимать их жизнь. Потому и отношения между ними в обществе будут иными. Быть может, такое общество и будет – коммунизмом...

Штурм Небес во многом подобен средневековому алхимическому Деланию. Создавая Философский Камень в реторте, алхимик искал Начало Мира в своей душе. И венчание Дела, светлый камень, знаменовал Его обретение. Космический путь – суть тот же поиск, только не для немногочисленных алхимиков, но для всего народа, и даже – для многих народов...

В 1980-е годы не нашлось человека, сказавшую эту очевидную из всей русской истории вещь. Разумеется, очередники к кремлевским могильщикам, осознавали, что коммунизм, за который они боролись всю свою жизнь, вот-вот плачевно закончится. «Ну и шут с ним, на наш век хватило – и ладно! Пусть молодежь строит, что сама захочет, хоть капитализм, хоть троцкизм, хоть анархизм, хоть черта в ступе!»

Цинично? А как еще рассуждать, когда ни былой ясности ума, ни сил все одно – не вернуть?! Ну, можно пожалеть, что не погиб в той войне, сделавшейся уже далекой-далекой, когда коммунизм бурлил своей молодостью. Если бы это что-то меняло...

Тем временем диссиденты-либералы все громче заявляли, что знают, как накормить и напоить народ, заполнить прилавки сардинами и пельменями. Для этого всего-то надо соорудить систему распределения такую, как на Западе, что проще простого. А кроме полных

прилавок что еще надо для русских людишек, да и для всех человечков Советского Союза?! Или что, здесь люди не имеют ротового и заднепроходного отверстий, как на Западе?!

Ну а другие диссиденты проклинали коммунистов за порушенные деревни да старинные малые города, по которым прокатился каток индустриализации. Как все восстановить, чтоб было «как прежде» никто из них, конечно, не знал. Но, чтоб отомстить за это ненавистным коммунистам они готовы были идти на союз хоть с самим чертом, роль которого играли, разумеется, либералы. Никто даже не раздумывал, чего с коммунистами-то бороться, если для них и так ямы у Кремля роют! Только смерть их не отменит застой, для которого на этот раз смена власти будет не помехой, а отличной поддержкой.

И ныне энергия общества расплылась на борьбу отдельных индивидуумов за лучшее место среди всеобщего распределения и перераспределения того, что уже создано людьми или природой. Но единственно возможный результат этой борьбы – понимание ее тщетности. Скорее бы понимание этого сделалось всеобщим!

Последним «даром», оставленным кремлевскими мертвецами стала система нефтяных и газовых трубопроводов. Робким примирительным мизинцем она протянулась к западным границам страны. Так Советский Союз просил прощение за свое «отступничество со столбовой дороги прогресса». В западном понимании прогресса, разумеется.

Что же, Запад понял этот жест правильно, конечно, никого не простил, ухватился за робкий палец, и проглотил сдающуюся жертву. Ныне черная кровь и прозрачное дыхание русской земли беспомощно журчат в этих трубах, а русский народ обескровливается и в прямом и в переносном смысле...

Маленький мальчик со своей бабушкой заходил во двор дома. Им повстречалась бабушкина подруга, тоже старуха. Вместо приветствия она сказала им последнюю, важную новость:

– Знаете, умер Андропов!

– Ура-а-а! – что было сил заорал внук, покрывая картой радости всю округу.

Был он мал, и про Андропова, да и про положение дел в стране не знал толком ничего. Но день похорон – это ведь неожиданный выходной, когда не надо идти в школу. А по телевизору будут красиво шагать солдатики, катиться запряженный в катафалк БТР и говорить гранитным голосом диктор.

А вечером, как и год назад, можно поиграть с ребятами во дворе в похороны. Покойником будет кулек тряпок, который мальчишки повезут на салазках-катафалке. А за санками будут шагать ребята, играющие роль солдат почетного караула. Все вместе станут напевать похоронный марш, который уже несколько дней подряд не смолкает в телевизоре. Одним словом – все как у «больших» ...

Космическое спасение народов России

Щелкают логарифмические линейки, бумажные листы покрываются цифрами, где-то потрескивают арифмометры. По листам ватмана ползают неуклюжие рейсшины, визжат карандаши. А в пепельницах догорают многочисленные окурки.

В середине XX века такой вид имели все научные и проектные учреждения. Причем – во всем мире и всех направлений. Начиная от конструкторского бюро по истребителям, и заканчивая таким же бюро по мясорубкам. Причем гостю невероятно трудно предположить, что все-таки делают в этих стенах – самолеты или мясорубки, ибо вид сгорбленных над бумагами людей ему равным счетом ничего об этом не скажет. Ну, может, в авиационном КБ где-нибудь макет самолета стоит, а в мясном – настоящая мясорубка...

Но среди многообразия шуршащих бумагами и скребущих карандашами учреждений было несколько таких, где в буквальном смысле решался завтрашний день всего мира. И в центре каждого из них стоял Авторитет, Главный, мысли которого обобщали все сказанное и сделанное прежде. Настало время, когда вековой труд ученых, цепочки прежних открытий должны были собраться в великое, мировое открытие. Это открытие и сделается тканью того мира, в котором будет суждено жить многим поколениям потомков. Прodelать же такую работу под силу лишь особому, эпохальному гению, каких на Земле по определению не может быть много. И было их всего два. По двум сторонам Атлантики, в двух мирах.

По ту сторону океана, среди небоскрежного леса, творил математик Норберт Винер. Середина века вспыхнула в его голове звездой удивительной мысли. Мысль состояла в том, чтобы сделать человеческий язык понятным для машины. Соединить ее элементы в соответствии с мыслями «логически правильного» человека, после чего она легко поймет команды, поданные таким же «правильным» языком. Благо, что элементы, способные «мыслить» на двузначном логическом языке «да – нет» – уже появились. Эти были транзисторы. Множество простых мыслей, сводимых к нулям и единицам, складываясь и умножаясь по определенным законам, рождали сложные заключения электронного «ума».

Так было дано начало информационной революции. В дальнейшем сложность электронных устройств росла, размеры их основных элементов – уменьшались. С увеличением масштаба производства закономерно уменьшалась их цена. В итоге создалась могучая отрасль производства, породившая в свою очередь еще одну отрасль – создание компьютерных программ.

Теперь компьютер позволял легко управлять производственными процессами, значительно облегчал проектирование новых изделий, разнообразные математические расчеты. На очереди было создание производственных комплексов-автоматов, выносящих человека за предел производственных линий.

Тем временем среди просторов Евразии творил другой ученый – Сергей Павлович Королев. Он по-своему подводил итог развитию техники, и создавал свое эпохальное открытие, означавшее середину XX века.

Мысль Сергея Павловича обращало все технические достижения в острую титановую иглу, предназначенную для прошивания пространства. Будущее – прорыв в космическое пространство, а сквозь него – туда, где сверкают тысячи созвездий и миллиарды звезд, в неведомую даль. Королев создавал сплав человеческих стремлений со стремлениями машин, и отливал его в длинные, игольчатые сооружения, жаждущие сразиться с пространством. В ракеты.

Пробы и ошибки, множество ракет как будто невидимая рука сорвала с небосвода и сбросила на землю жаркими огненными шарами. Но вот, времена неудач прошли, ошибки

были исправлены, и ракетные тела взмыли в поднебесья. Запуск первого искусственного спутника, первой собаки, первого человека...

На Земле вокруг проекта Королева создавалась не одна отрасль промышленности, а целое множество. Причем в дальнейшем, для совершения последующих шагов, требовались новые и новые революционные преобразования всей техносферы.

Требовалось достижение новых уровней прочности материалов, а также более высоких классов точности их обработки и сборки. Были необходимы новые технологии получения энергии, ведь очевидно, что на сжигании керосина звезд не достичь. Тогда и возник проект овладения управляемым термоядерным синтезом, который вопреки общему мнению, на самом деле увенчался успехом. Возникла потребность в сверхпроводящих материалах, позволяющих использовать электрическую энергию практически без потерь, что уменьшило бы размеры электрической аппаратуры в сотни раз.

Как бы выглядел мир при последовательной реализации этого проекта? Безнефтяная энергетика, основанная на практически безвредном для природы термоядерном синтезе. Отсутствие кризисов, связанных с колебанием цен на энергоносители, в таком мире было бы очевидным. Машины и механизмы, созданные из новых материалов и с высокой точностью обработки деталей и сборки, могли бы служить целым поколениям, не выходя из строя. Однозначно, когда в процессе труда создавались бы практически вечные вещи, изменилось бы и мышление самих людей. Быть может, на свой труд человек снова смог бы смотреть, как на искусство, и его результаты опять, как и в далеком средневековье, стали бы произведениями искусства.

Достижения информационной революции Винера тоже могли быть использованы в космической революции Королева. Они облегчили бы проведение множества НИОКР, из которых и складывалась основа проекта, помогали бы с расчетами и созданием конструкторской документации. Они позволили бы автоматизировать многие производства, что было необходимо для высвобождения людей и перенаправления их в творческие, наукоемкие проекты.

Уже не говоря о том, что управление космическими аппаратами просто не мыслимо без применения электронно-вычислительных систем. А производства, вынесенные в космос, просто не могут не быть полностью автоматизированными. В конце концов, даже обучение управлению космическими аппаратами потребовало применения электронных симуляторов.

Таким образом, информационная революция Винера могла быть необходимым дополнением космической (и вообще – технической) революции С.П. Королева.

Но произошло обратное. Ведь информационная революция произошла в самом ядре западно-протестантской цивилизации, и, разумеется, ее достижения сейчас же были использованы именно ею. Вместо устремления в космическое пространство, плоды революции Винера «сплели» собственное, информационное пространство. Оно оказалось удобным, для почти моментального перемещения денежных единиц, для обмена различной информацией и манипуляцией ею. Цивилизация Запада, устремленная не в дали пространства, а в глубины потоков денежных единиц, востребовала именно эти стороны информационной революции.

Применение космической техники, разумеется, тоже потребовалось для организации информационного пространства. Но в более чем ограниченном, редуцированном варианте. Система спутников связи, обеспечивающая функционирование информационной сети, космическое производство монокристаллов, необходимых для производства микросхем. Это и все, что революция Винера взяла от проекта Королева. Потому на сегодняшний день фактически мы имеем не космическую цивилизацию, а лишь ее останки, способные охватить собой лишь орбиту Земли. Споры о реальности американского полета на Луну не случайны,

ведь его нереальность была бы лучшим доказательством победы революции Венера и одержания верха виртуального над реальным.

Так цивилизация пришла к сегодняшнему дню. Фильмы с обилием компьютерной графики (вроде «Аватара») и компьютерные игры заменяют собой реальное перемещение в пространстве. Которое, по логике революции Венера, теперь с одной стороны – принципиально недостижимо, но с другой – его «недостижимость» можно обойти при помощи симулякра, электронно-графического обмана. С одной стороны, звездные дали недоступны ныне никому из людей, но с другой – доступны всем. Только не в том виде, который они имеют в реальности, а в том, который рисуется в сознании авторов фильмов и компьютерных игр, создающих эти миры за получаемые ими денежные единицы.

Мировое производство в своем технологическом уровне застыло на уровне середины XX века. Если не считать малых, почти не значимых модернизаций, оно все так же основано на энергии сжигаемого топлива и на извлекаемом из земных недр материале. Но вот организация инвестиций в производство и извлечение прибыли из него происходит ныне иначе, чем в те времена, которым адекватны существующие технологии. Анализ данных и принятие решение о направлении денежных потоков происходит практически мгновенно, в то время как переустройство самих производств часто требует нескольких лет. Это неизбежно порождает частые кризисы. Ориентация же производства на скорейшее получение максимальной денежной прибыли ведет к выпуску недолговечной, низкокачественной, но зато дешевой (имеющей наименьшие производственные издержки) продукции.

Автоматизация производства, о которой говорили прежде, в принципе остается возможной. Но ненужной. Какой в ней смысл, если стоимость труда промышленных роботов в любом случае будет выше, чем рабочих Юго-Восточной Азии?! Да и куда девать высвобожденных из производства людей, если информационные области экономики предоставляют ничтожно малое количество рабочих мест?! Конечно, освобожденные от промышленного труда люди могли бы трудиться над эстетизацией вещей, внесение в холод промышленных продуктов огня человеческого смысла. Но это оказалось невозможным именно из-за географического отрыва производства вещей от производства идей. Первое и второе оказалось «порученным» разным цивилизациям.

Таким образом, информационная революция оказалась негодной для того, чтобы сделаться локомотивом развития науки и техники. Все равно, как гоночный автомобиль не может найти применения в качестве железнодорожного локомотива – будет лишь бесполезно буксовать.

Зато информационная революция открыла широкие пути для манипуляции сознанием целых народов. В конечном итоге мечты многих народов о справедливом мироустройстве окончательно утекли в область моделированных на компьютере сновидений. Возглавляют народы теперь не живые люди, но «электронные облака», легко корректируемые и изменяемые в зависимости от вкусов толпы. Причем меняться могут лишь они сами, но не жизнь людей, от которой электронные образы надежно отделены непроницаемой гладью экранов телевизоров и компьютерных мониторов. Потоки «информационного мусора», составляющие до 95 % всей информации, скроют в себе мудрую мысль куда надежнее, чем могучие карательные органы былых времен...

Что получила Россия, оказавшаяся в мире, где проиграла ее космическая революция и победила информационная революция, преподнесенная враждебной цивилизацией? Какое-то количество рабочих мест в отраслях, связанных с производством программного обеспечения, сравнительно небольшое по отношению к количеству народа. И гибель 90 % науки и наукоемких производств. Сосредоточение всей жизни страны вокруг добычи и вывоза нескольких видов полезных ископаемых, которые могут обеспечить работой опять-таки ничтожную часть народа.

Таким образом, мы пришли к ситуации, когда дальнейшее следование по «пути Венера» стало представлять реальную опасность не только для самореализации, но и для выживания русского народа. Информационные технологии искусственно удерживают страну в состоянии застоя, навязывая образ существующего положения вещей – как единственно возможный. Только их действие весьма напоминает затыкание предохранительного клапана в паровой машине, которое чем дольше продолжается – тем мощнее неизбежный взрыв.

То же самое происходит и на мировом уровне. Первый взрыв – экономический кризис уже прогремел, на очереди куда более мощный глобальный экологический кризис. И, одновременно – кризис цивилизационный, когда жизненное пространство одуревшей от информационного наркотика Европейской цивилизации стремительно проглатывается ее соседями.

Поэтому сегодня, прежде всего, следует признать, что выбор пути Венера был ошибочным, что информационная революция не может быть самодостаточной, а развитие информационных технологий в отрыве от реального производства несет в себе большую опасность, реализацию которой мы и видим сегодня как в России, так и во всем мире.

Вслед за этим признанием требуется подумать о том, как (пока еще не поздно) изменить свой выбор и встать на путь, положенный С.П. Королевым.

Конечно, после многих лет застоя и развала, едва ли этот путь следует начинать со «штурма Небес» и планирования полетов в глубокий космос. Необходимый для этого научный и промышленный потенциал еще предстоит возродить или заново создать. Начать надо с какого-нибудь важного, масштабного проекта, органично связанного с проектом космической революции. Если сердцевина промышленности – это энергетика, то такой проект напрашивается сам собой – применение управляемого термоядерного синтеза. Его технология уже была разработана в Советском Союзе в последние годы его жизни. Однако теперь гениальное открытие тех времен практически никем не вспоминается и нигде не упоминается.

Начало реализации этого проекта привлечет множество русских умов, еще способных на совершение прорывных открытий. Оживут многие смежные отрасли науки и промышленности. Для этого проекта неизбежно потребуются множество открытий и изобретений, имеющих широкое применение в разных отраслях.

С развитием термоядерной энергетики появится возможность вернуть жизнь ныне умирающим малым городам. Большое количество людей, занятых в высокоинтеллектуальном производстве, станут основой возрождения русской культуры. Культурное возрождение должно неотступно следовать за научным и экономическим, обеспечивая целостное развитие русской цивилизации.

Вот так путь в живое будущее может лежать лишь через исправление давней ошибки, преодоление давнишнего соблазна виртуального причастия к западному изобию. Сегодня, наша жизнь уперлась в тупик, и все мы, не веря своим глазам, рассматриваем его лишенную лазеек стену. По давней привычке многие вопрошают о выходе у всегдашних советчиков, обитающих к западу от наших границ. Кричат до хрипоты, но в ответ получают лишь звенящую тишину, ибо ответа с той стороны нет, и не предвидится. Ибо и там, при всех наших фантазиях об удивительной сообразительности чужих народов, сейчас громоздится точно такой же тупик, ничем не отличимый от нашего. И настал тот момент, когда будущее зависит только от нашей воли, и негде более искать помощи, кроме как в самих нас. В нашем пространстве, в наших мыслях, в нашей вере.

Русский проект

Техника, прежде бывшая чем-то частичным, местным, ныне превратилась в вещь тотальную, всеобъемлющую. Именно разросшаяся до размеров всего мира техносфера и породила такую трудно понимаемую вещь, как глобализация.

Мы, русские, все так же не понимаем смысла техники, как не понимали ее прежде. Ведь она – порождение совсем иного, западно-протестантского мышления, плод чужого для нас проекта. Поэтому мы перед ней всегда оказывались в жалком положении, и выбор у нас всегда был невелик – либо «обезьянничать» чужое. Причем, как показал исторический опыт, нельзя брать только идеи машин и механизмов без частичного взятия самого чужого нам мышления. Результат – гибель самого смысла русской жизни, духовная деградация при техническом развитии, что случилось у нас в эпоху Петра Первого.

Был и иной путь – игнорирование чужого, продолжение жизни по русским законам и обычаям. В таком случае нас опять-таки ждало поражение, только на этот раз – силой оружия, как случилось в Крымской войне 1853–1855 годов.

В итоге мы приходим к печальному выводу, что выхода у нас нет, что техника как таковая для Руси – смерть. Но сама история обязывает нас искать-таки выход, и он, как всегда, лежит на третьем пути. Этот третий путь, рожденный мыслителем Циолковским, продолжавшийся в советское время (увы, только лишь в качестве дополнительного и не вполне осознаваемого) – единственное, что мы можем противопоставить современной техносфере. Имя ему – технотронное Богоискательство.

Мы уже разобрали его истоки, которые, как оказалось, лежат на Руси гораздо глубже, чем зарождение самой техники и родились они прежде. Этот путь – иной взгляд на мир, иное его восприятие, отличное и от западного прагматического и от восточного созерцательного. Созерцание, слитое с действием и действие, слитое с созерцанием – вот в чем суть русского мышления, в котором найдется место и для техники, но совсем не для той, которая господствует ныне на Западе. Русский технический прогресс должен быть осмыслен русским созерцанием, а русское созерцание – расширено русским техническим прогрессом. Вот в чем лежит формула нашей революции.

Теперь мы поговорим о том, как Большой Проект повлияет на саму русскую жизнь, как он преобразит ее и сделает нашу страну совсем другой.

Во-первых, этот Проект породит нового человека. Этот человек будет одновременно укоренен в Православной Вере и Традиции, и будет владеть достаточным количеством знаний для совершения действия. Такие люди появлялись на Руси и прежде, вспомним хотя бы академика И.П. Павлова. Но будущая Русь – это страна таких людей. Ведь наука отныне не будет противоречить Вере, а Вера – науке. Освоение 11 – мерного пространства одновременно будет основано и на знаниях и на Вере, ведь только от Божьей Воли зависит созерцание того, что ныне от нас сокрыто.

Реализация Большого Проекта породит новую Большую Цель для русского народа, по служению которой можно будет производить отбор лучших людей, которым и следует доверить управление русским народом. Мы получим сословие Новых Воинов, которые с молитвой на устах будут отправляться в путь по неведомым пространствам, откуда может и не быть возврата. Вернее, обратное возвращение в наш дольний мир будет зависеть от Божьей Воли, и никакая наука не сможет его строго детерминировать.

Мы получим и Новых Мастеров, решающих во Славу Божью практически не решаемые технические задачи, ощущающих в каждом своем деле величайший смысл, связь с Потусторонним. Это будут уже мастера нового мира, похожие скорее на средневековых

ремесленников, чем на современных технократов. В них также Вера сольется со знаниями на одном пути, в одном направлении, устремленным в Небеса.

Изменится и искусство. Из своего нынешнего шутовского, развлекательного назначения оно вернется к своему прежнему смыслу символической связи Небес с Землей. Вместо нынешнего псевдо-элитного с одной стороны и «быдло-попсового» с другой, оно вновь сделается общенародным, как это было в былые времена, ибо Богоискательство – это путь всего народа, независимо от того, кто и какое место в нем занимает.

Слияние Веры, искусства и науки – вот определение будущего Руси. Но человека, внутри которого это слияние осуществилось, нельзя готовить так, как происходит подготовка в настоящее время. Поэтому требуется коренное изменение системы образования. Вместо разрозненных сведений, бессмысленная и несвязанная передача которых происходит сейчас более десятилетия, потребуется давать ученикам целостную, связанную картину мира. При этом может получиться (скорее всего, так и получится), что при подготовке мыслящего человека с целостным мировоззрением, затраты времени на его подготовку существенно снизятся.

Большинство людей станет жить в небольших городках, которые сделаются одновременно и центрами веры, и центрами науки, искусства и производства. В таких городках не составит труда наладить настоящее самоуправление, как это было в сельских общинах прошлого. Множество городков охватят всю русскую землю, и будут жить вроде бы сами по себе, но вместе с тем все они будут частями одного большого Проекта. Перед общим делом среди людей не будет удачливых и неудачливых, все сделаются перед ним равны, но, с другой стороны, вклад в него разных людей, конечно, будет разным, это и ляжет в основу новой общественной иерархии.

Новые люди, новое общество, новое искусство, новая система расселения. Все это даст и новую жизнь. Будет в ней что-то от русского средневековья, будет и от коммунизма, о котором в свое время так мечтали многие мыслители мира. Только коммунизм этот будет иметь смысл, лежащий за пределами самого себя, он будет всего лишь «побочным продуктом» нашего Проекта, и потому сделается вполне осуществимым, в отличие от бывшего коммунизма, цель и смысл которого были лишь в нем самом.

Искусство будет идти своей дорогой Богоискательства, быть может, в чем-то взаимодействуя с наукой. Оно создаст новую среду обитания русского человека и, быть может, укажет обществу новые пути развития. Наука же – работа коллективная, поэтому для нее должны иметься изначально указанные цели и задачи. Основным направлением научной работы станет исследование основных свойств пространства, что будет реализоваться на уровне изучения свойств электромагнитных и гравитационных волн, и на уровне изучения космического пространства. То есть на тех уровнях, которые недоступны человеческому глазу.

Актуальным станет создание ускорителей заряженных частиц нового поколения, новых измерительных приборов, космических кораблей «дальнего» плавания. Все это, в свою очередь, повлечет за собой работы по созданию новых материалов, новых производственных линий, и, главное, принципиально новых компактных энергетических установок.

Здесь нам предстоит внимательно изучить научное наследие прошлых времен и дополнить его в той степени, в какой это понадобится для решения задач Большого Проекта.

Разумеется, реализация Большого Проекта принесет множество ценных изобретений, необходимых для земного жизнеустройства. Принципиально новые производства, новые материалы различного назначения, небольшие энергоустановки, которые сделают наши малые города практически автономными – вот неполный список всего, что принесет Большой Проект для земной жизни. Складываясь друг с другом, суммируясь, изобретения породят принципиально новую жизнь для русского народа и для других народов Руси. Присут-

ствие человека будет исключено как из рутинного производства, так и из не менее рутинного процесса производственной организации. В результате человек займет подобающее ему место творца, художника и создателя. Ведь сама история техники началась с подражания человека Творцу (правда, в результате ее развития он сам незаметно для себя сделался творью)!

Постепенно можно будет придти к тому, что каждый произведенный предмет делается производением искусства. Это сделает ненужной существующую ныне многоуровневую, сложную систему реализации однотипных товаров, которая сегодня потребляет едва ли не половину человеческих усилий. Люди переместятся в предназначенную для них область творчества, что, должно быть, сделает их счастливее, чем они есть сегодня.

Множество городов-общин свяжут в единый мир линии принципиально нового транспорта, создать который на сегодняшний день не представляется возможным. Слишком много тут требуется разработок в самых разных областях знания, а делать их «порознь» никто не рискует. Таким образом, единичность и множественность, всегда противоречившие друг другу, получают, наконец, возможность одновременного существования в целостном обществе.

Исследование фундаментальных свойств пространства неизбежно породит множество новых открытий, которые найдут использование и в повседневной жизни. Их появление качественно изменит жизнь, и породит новые направления поиска, о которых мы еще не догадываемся. Открытия и изобретения при этом будут не единичными, а множественными, их сочетание вызовет к жизни возникновение новых областей человеческой деятельности, новые жизненные уклады.

Оборонять русский мир от внешних угроз станет оружие нового поколения, основанное на новых физических принципах. Получив его, мы снова сделаемся центром силы и получим возможность создавать действенные союзы и коалиции. Геополитика перестанет быть для нас пустой абстракцией, ибо она – область действия сильных, слабые для нее – лишь безвольные объекты. Русский народ опять сделается ядром Империи, центром притяжения других народов, заслужив это место своим первым участием в реализации Большого Проекта.

В перспективе возможно создание континентального союза, ядром которого будет блок Руси, Индии и Ирана с возможным продолжением на Центральную Европу (через Германию). Этот союз обеспечит Руси безопасность и позволит сформировать новое мировое разделение труда, в котором Русь получит свое законное место, место создателя прорывных технологий коллективного назначения. Разработку и применения технологий, удовлетворяющих потребности индивида, мы сможем передать другим народам, которые сильны в них, и через обмен с ними мы достигнем гармонии между коллективным и индивидуальным.

Нельзя увидеть того мира, который откроется перед нами во всех подробностях. О нем можно лишь сказать, что этот мир будет целостным, не разделенным на области религии, науки, искусства техники и т. д. Все в нем будет сочетаться, как на уровне жизни в целом, так и на уровне каждого отдельного человека. Также снимется противоречие (о чем я уже говорил) между множественным и единичным, коллективным и индивидуальным и т. д.

И, что самое основное, его жизнь не будет замкнута в себе самой, а потому оно, подобно дереву, получит способность расти ввысь...

Смысл жизни по-русски

Существует одно интересное словосочетание, в котором произносящему его человеку всегда мерещится какая-то тайна – «смысл жизни». Даже если оно произносится применительно к обыденным делам, к примеру «мой смысл жизни заработать миллион», в сознание говорящего все равно остается ощущение некоей недосказанности. Ироничный голос где-то внутри говорит, что добывание миллиона не может быть смыслом жизни, но на то, что же есть этот самый смысл, он все равно не указывает.

Как сказано в Святом Писании, человек сотворен по образу и подобию Божьему. Отсюда – его потребность в смысле своего бытия, с которой он в настоящее время научился кое-как бороться при помощи подмены большого Смысла множеством обыденных «смыслов». Впрочем, пустота, оставшаяся на месте, которое предназначено для Смысла постоянно дает знать о себе, показывая человеку свою поглощающую адскую черноту.

Отыскать Смысл жизни не так тяжело, как может казаться распыленному в каждодневных заботах современному человеку, встроенному в механизм постмодернового общества подобно шестеренке. Достаточно лишь взглянуть на наших же предков той не очень давней эпохи, которая теперь именуется Средневековьем, внимательно посмотреть на дела их рук, чтобы все сделалось ясно.

Если мы посмотрим на все что создано в те годы, то увидим, что всякий предмет, будь то свод храма, стены жилища или даже предмет кухонной утвари содержал в себе картину бытия, видимую своим создателем. Пристальный взгляд на каждый предмет, оставленный той эпохой, не оставляет сомнений, что его поверхность – отнюдь не простой «декор», появившийся в более позднее время, но сложное сплетение таинственных символов. Прочитав эти символы, мы увидим полноту бытия, созерцаемую человеком той эпохи. В них было все – и твердь небесная, Божий престол, и небесные хляби с движущимися по ним светилами (в резных украшениях русских жилищ обозначаются все положения солнца во время его дневного и ночного пути), и земля, и подземный мир.

Созерцание и действие – вот две нити, которые, переплетаясь, и дают то, что именуется Смыслом жизни. Одна из них ведет вверх, к полноте Бытия, к постижению его Центра, а вторая уходит вниз, в темноту земной материи, с которой человеку надлежит совершить акт творения, подобный Творению Божьему. Восприятие верхнего и, в соответствии с ним, преобразование нижнего – вот что занимало каждое мгновение жизни человека Средневековья. Многократно повторяя совершенное Господом, человек символически соединялся с Богом, это было его служением, и его жизнь не могла лишиться смысла.

Отсюда делается непонятным произошедший великий разрыв и превращение прошлого человека осмысленного в современного человека бессмысленного, человека-функцию ныне существующего мира. Будто в какой-то момент прошлого люди неожиданно ощутили небеса запертыми, и чтобы кое-как заполнить разверзшуюся пустоту, всецело предали действию, лишенному Смысла. Впрочем, отказаться от Смысла во имя бессмыслия – возможно ли такое?

Однозначно, что историческим моментом потери Смысла было возникновение западного протестантизма в самом агрессивном его варианте – кальвинизма. Это учение объявило о глухой закрытости небес, недоступности их воли для человеческого познания, и тем самым лишило смысла Созерцание. Действие же оно перевело в иную идейную плоскость. Вместо символического единения с Богом оно сделалось простым и единственно инструментом гадания о небесной воле, о предопределенности к спасению или вечным мукам. Единственным результатом, которое могло приносить действие, сделался количественный успех, безразличный к его качеству.

Все это произошло далеко на Западе, и, как будто, никоим образом не могло коснуться Руси. Люди Запада и прежде не несли в себе такой сложной картины Бытия, какая была у русских людей. И прежде люди Запада принижали сакральное значение Действия, понимая его преимущественно отрицательно, как «неделание грехов». Поэтому приход западных учений к своему смысловому завершению не мог насторожить русских.

На Руси еще долгое время все оставалось по-прежнему. Но потерявший свой Смысл Жизни, Запад все-таки вломился в духовное пространство Руси. Он пришел с войной. Потеря Западом Смысла привела в числе прочего к изменению представления о войне. Если прежде битвы воспринимались, как суд Божий, когда правый возвращается с победой, а неправый остается лежать на бранном поле, то теперь смысл войны стал определяться лишь ее результатами, которые должны быть достигнуты любыми средствами. Отсюда – хитрость в создании наиболее смертоносного оружия, сводящего на нет честность бранного поединка.

Русь не была завоевана Западом военной силой. Но необходимость создания вооружений, подобных заморским, разорвала-таки связь Созерцания и Действия. Русским мастерам часто приходилось повторять то, что делалось на Западе по неведомым для них идеям. Действие стало утрачивать свой Смысл, приобретая смысл низшего порядка – необходимость защиты родной Земли. Богатства, приобретенные к тому времени Европой, прельщали влиятельную часть русского общества, которая тоже стремилась повторять заморскую жизнь и старательно внедряла производство вещей, подобных иноземным.

Одновременно западная механистическая наука, порожденная потребностями западного же действия, обрисовала совсем иную картину мира, которая входила в противоречие со старым представлением о Бытии. Вместо родного и близкого космоса-дома появился холодный и чужой космос-бесконечность, насквозь бессмысленный и подчиненный лишь равнодушным законам механики. Это лишенное света Бытие уже нельзя было положить в недра темной материи, да и для чего было соединять чужое с чужим, не превращая его в свое?! Заимствованная картина мира вытеснила родную, русскую, а вместе с ней и окончательно выдавила Смысл из русской жизни.

Так и произошел первый разрыв русского Созерцания с русским Действием. Но в отличие от Запада этот разрыв происходил не на высшем, а на низшем уровне, воспринимался он как принуждение или как необходимость, оставляя за собой остро ощутимую пустоту. От этой пустоты русская мысль изнывала и всеми силами стремилась ее чем-либо заполнить. Но ощущение символического единения с Богом было уже утрачено, и заполнение пустоты было не потусторонним, но посюсторонним. Новые смыслы при всем их внешнем величии не могли заменить собой того первоначального Смысла, а потому были изначально обречены на собственную утрату.

В числе авторов таких смыслов особенно следует подчеркнуть основоположника русского космизма Николая Федорова. Основа его концепции – это постепенный приход нового человека на место Бога с получением человеком возможности воскрешать мертвых. Федоров полагал, что человеческая мысль когда-нибудь придет к этому. Дальнейшую задачу человечества философ видел в заселении людьми всего космоса, т. е. превращение его из «чужого» в «свой», но уже – сугубо человеческий, в котором нет места Богу.

Это учение могло бы сделаться тайной доктриной советского коммунизма, величина смыслов которого была чудовищно мала – всего лишь создание на Земле общества изобилия. Впрочем, и за этим ничтожным смыслом народ пошел, ибо ни одно из массовых учений смысла большего в тот исторический момент не предлагало. Поэтому доктрина Федорова не была им принята, хотя весь советский период и оставалась где-то «за кадром» официальной действительности.

Идеология коммунизма все-таки обеспечила жизнь русских людей смыслом. Теперь русский человек созерцал будущее своих потомков и изменял материю так, чтобы она аккуратно легла в ткань «золотого времени». Но земное, запертое в преобразованной материи будущее все-таки должно было когда-то наступить, ведь оно было рассчитано при помощи науки. Его не наступление исключило из жизни объект созерцания и вытравило смысл из действия.

Теперь человек окончательно обратился в функцию, приданную какой-либо социальной машине. Даже блага этого мира, которые ему подаются в обмен на совершенные действия, преподносятся общественными механизмами в таком виде, что исчезают бесследно, ничего не оставляя после себя. Ощущение черной пасти пустоты сделалось постоянным, но вместе с тем человек не в силах уйти от нее. Сверху глядит холодный, чужой космос. Под руками – зачастую уже и не материя, а лишённые остатков смысла ее символы, символы символов, символы символов символов и т. д. Они, ничуть не изменяясь, появляются и исчезают бесчисленное количество раз, заполняя собой бессмысленное течение жизни, которая будто навсегда застряла на одном и том же дне, не принося ни новых знаний ни мудрости.

Куда теперь идти? Подражать жизни предков, учиться по старым книгам творить то, что творили они? Но ведь мало кто при этом действии теперь ощутит то же, что чувствовали наши предки. Перед глазами ведь все одно остается немой космос, а не живое Бытие, и повторение движений рук предков, скорее всего, будет чувствоваться, как простое изготовление декора. Подобный род деятельности имеется и сейчас, а что до формы декора, то она не сильно важна в сравнении с содержанием...

На помощь современным людям может придти наука. Та самая, которая когда-то ткнула нас носом в холодный и чужой космос. Но теперь она преодолела самую себя, создав учение о суперструнах. Один из выводов этого учения говорит о схождении суперструн в едином Центре, из которого и расходятся их колебания, творящие миры. Другой вывод говорит о наличии в пространстве особых участков, подобно тоннелям связывающих отдаленные части Вселенной, которые образно названы «кротовыми норами». Разработаны (в основном русскими учеными) подходы к техническому воплощению изучения суперструн и проникновению сквозь «кротовые норы».

Таким образом, Русь пришла к новому периоду своей жизни, к «технотронному Богоискательству», которое сделалось возможным в начале XXI века. Этот проект имеет осязаемые, материальные средства, но цель его сокрыта, не явлена, и ее достижение выходит за пределы понимания нынешнего человека. Его осуществление вновь свяжет Созерцание и Действие, и последнее вновь обретет свой Смысл. Проходящая под руками материя из средства для получения «материальных символов» делается средством постижения Высшего. Даже если Цель проекта и не достижима, лишь его реализацией можно изменить современных людей, повернуть их мировоззрение в иную сторону. Даже это может служить достаточным основанием для начала реализации проекта.

Свое смысловое завершение получит и такой, прежде казавшийся бессмысленным феномен, как техника. Вот уже более 400 лет она отчаянно рвалась вперед, сметая тех, кто стоял у нее на пути. Но к чему она стремилась? К сотворению нынешнего бессмысленного мира, к «бунту машин», о котором столько писали разнообразные фантасты и намеков на который не видно по сей день, или все-таки к свершению некоего Высшего Предназначения?

Изменит этот проект и самого человека. Ведь тот, кто притупит к участию в самом большом из всех человеческих проектов, тут же прекратит свое бытие в качестве человека-функции, устремив свой взгляд на сокрытую Цель, которая лежит в стороне, противоположной той, где находятся «символы символов материи».

Начнем творить

Под ногами скрипит лишенная слов земля, над головой – бессловесная чаша Небес. Это видит всякий человек с первого мгновения своего появления на белый свет, эту же картину созерцают и тысячи очей новорожденного народа. Глаза человека сами собой отыскивают знаки, нарисованные Небесами на темной земной глади и указующие путь вверх. Путь возврата, путь победы над величайшей катастрофой, когда-то разделившей Верхнее и нижнее. Человеческие руки тем временем стремятся творить новые символы, вступающие в борьбу с великим разделением. Две основы, Созерцание и Действие и стали началом человеческого бытия.

Преодоление пропасти между Землей и Небесами через Действие породило науку. Ее конечным результатом сделалась техника. Безусловно, последняя имеет свой сокрытый смысл, который лежит в направлении, названном мной Космическим Богоискательством.

Созерцание всегда предшествует Действию. Ведь взгляд в искомую сторону свершается задолго до рождения паутины математических выкладок, и уж тем более – появления технических устройств. Потому наука способна идти лишь по пути, уже проторенному культурой.

Символы, распознанные культурой, записываются ею в разных видах и на разных материалах. Этот процесс записи, отображения символов, получил название искусства. Чтобы представить, насколько созерцание и запись символов предшествуют появлению действующего начала науки, и, тем более – техники, можно представить себе русские колокольни, имеющие удивительное (или – не удивительное) сходство с космическими кораблями. Появились они еще в архитектуре Византии, и предшествовали появлению механизмов технического «штурма небес» больше чем на тысячелетие.

В отличие от науки (а, тем более – техники), культура не имеет в своей основе четко обозначенных «производителей» и «потребителей». И то и другое естественно сливалось в одних и тех же людях, различались лишь материалы, на которых записывались символы. Дерево, железо, стекло, камень, и, наконец – человеческие слова и движения, все могло делаться таким материалом. Так направление движения цивилизации через культуру повторялось в каждом поколении вновь и вновь, не давая ей сойти со своей исконной дороги...

Выполняя большие задачи, культура одновременно выполняла и задачи малые, что было для нее несложно. Одновременно она и утешала людей, и развлекала их, и создавала «фон», на котором творились обыденные дела людей, малые и большие.

Лишь в начале XX века случилась «поломка», причиной которой сделалось избыточное развитие техносферы, которая в своей гордыне позабыла о собственном предназначении. Это привело к потере смысла человеческой жизни, которая из стрелы, обращенной ввысь, свернулась в замкнутую на самую себя точку. Вдохновенные мастера обратились в унылых промышленных рабочих, а преобразуемая ими материя из средства записи символов сделалась просто материей, призванной лишь поддерживать существование материи другого рода – человеческой...

«Госпожа Техника», подмяв под себя все области человеческой жизни, решительно поравняла их в соответствии с собой. И культура из указующего перста бытия народа обратилась в придворного живописца, рисующего и перерисовывающего портрет Техники. Искания из области смысла перешли в область формы, породив множество течений так называемого авангарда.

Вместо всеобщего культурного производства и потребления возникли специфические «профессиональные производители», а следом за ним – и «профессиональные потребители». Пока стремление людей к культурному производству еще жило, ему было предложен

выход через т. н. «самодеятельность». На «самодеятели» с самого ее рождения лежала печать культуры «второго сорта», потому уже в следующем поколении она потеряла всю привлекательность и сама собой сошла с исторической сцены.

Развитие техносферы, появление новых ее направлений, постепенно привело к появлению возможности выведения человека за пределы производства. Казалось бы, этот процесс создал счастливую возможность вернуть людей в культурное производство, ликвидировать чуждый для него «профессионализм».

Но... В этот же период на смену Госпоже Технике пришло господство еще более мрачной особы, напоминающей собою ее черную тень. Власть над людьми взяла Госпожа Экономика, ознаменовав свою победу приходом тирании распределения и перераспределения, оторванного от бытия народов.

В итоге стерлось само понятие культуры. Обратившись в элемент системы распределений и перераспределений, она перестала быть указателем вообще на что-либо, потеряв свою связь со всеми смыслами. Ибо монстр экономики приварил людскую жизнь к неподвижной точке времени, лишенной будущего и вообще любого иначе-возможного, чему сильно радовался Ф. Фукуяма в своей статье «Конец истории».

Теперь культура, вечно отыскивающая «иначе возможное», сделалась ненужной и опасной, препятствующей консервации «вечного настоящего». Потому у «Госпожи Экономики» в отношении нее остался лишь один выход – убийство культуры с превращением ее разбросанных ошметков в уродливый шоу-бизнес, несущий в себе лишь вечно повторяемое развлечение. Орудием убийства стала «рыночная цензура», самая злостная из всех цензур всех времен и народов. Отныне приступить к творчеству, предназначенному для внимания множества людей, стало возможно, лишь заручившись поддержкой ближайших слуг «ее величества Экономики». Наиболее впечатляющий результат такового рода творчества – однообразные юмористические спектакли с монотонным смехом за кадром, уже не требующие и зрителя.

Если для многих цивилизаций застывание в «вечном настоящем» – болезнь, то для русской цивилизации, всегда бывшей чистым движением, оно – смерть. Потому сегодня мы наблюдаем, по сути, гибель нашего народа, который не спасут ни мелкие улучшения жизни, ни отчаянные попытки перестроить жизнь по западному образцу. Единственная возможность спасения Русского Народа – это снятие Руси с мертвой точки и начало движения (о чем я уже подробно писал в предыдущих статьях). И произойти это «снятие с точки стояния» может лишь в области культуры, ведь именно она играет роль цивилизационного указателя для движения народа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.